КНИГИ - МОИ ДРУЗЬЯ

Льюис Кэрролл

# АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС



# Алиса в Стране чудес
# Льюис Кэрролл

Аннотация
Льюис Кэрролл. Алиса в Стране Чудес
Предисловие
Глава первая. В кроличьей норе
Глава вторая. Слёзный пруд
Глава третья. Скачки наперегонки
Глава четвертая. Кролик посылает Билла к себе в дом
Глава пятая. Совет Червяка
Глава шестая. Поросенок и перец
Глава седьмая. Безумное чаепитие, Шляпник, Мартовский Заяц и Сурок
Глава восьмая. Крокет у Королевы
Глава девятая. История Чере-вроде-пахи
Глава десятая. Кадриль омаров
Глава одиннадцатая. Кто стащил пирожки?
Глава двенадцатая. Показания Алисы

## Аннотация

Перед вами одна из самых прославленных классических английских книг для детей, необычайно многогранная по смыслу, полная остроумия. Вы встретитесь с девочкой Алисой и попадете вместе с ней в удивительную, загадочную Страну Чудес Льюиса Кэрролла.

# Льюис Кэрролл
# Алиса в Стране Чудес

# Предисловие



*Скользя беспечно по воде,*

*Все дальше мы плывем.*
*Две пары ручек воду бьют*
*Послушным им веслом,*
*А третья, направляя путь,*
*Хлопочет над рулем.*
*Что за жестокость! В час, когда*
*И воздух задремал,*
*Просить назойливо, чтоб я*
*Им сказку рассказал!*
*Но трое их, а я один,*
*Ну как мне устоять?*
*И первый мне приказ летит:*
*– Пора начать рассказ!*
*– Побольше только небылиц! —*
*Звучит второй приказ,*
*А третья прерывает речь*
*В минуту много раз.*
*Но скоро смолкли голоса,*
*Внимают дети мне.*
*Воображенье их ведет*
*По сказочной стране,*
*Когда же я, устав, рассказ*

*Невольно замедлял*
*И «на другой раз» отложить*
*Их слезно умолял,*
*Три голоска кричали мне:*
*– Другой раз – он настал! —*
*Так о стране волшебных снов*
*Рассказ сложился мой,*
*И приключений возникал*
*И завершился рой.*
*Садится солнце, мы плывем*
*Уставшие домой.*
*Алиса! Повесть для детей*
*Тебе я отдаю.*
*В венок фантазий и чудес*
*Вплети мечту мою,*
*Храня как памятный цветок,*
*Что рос в чужом краю.*



# Глава первая
# В кроличьей норе

Алисе надоело сидеть на пригорке, рядом с сестрой, и ничего не делать. Раза два она заглянула украдкой в книгу, которую читала ее сестра, но там не было ни разговоров, ни картинок. «Какой толк в книге, — подумала Алиса, — если в ней нет ни картинок, ни разговоров?»

Потом она стала раздумывать (насколько вообще это возможно в такой невыносимо жаркий день, когда одолевает дремота), стоит ли ей вставать, чтобы пойти нарвать маргаритки и сплести венок, или нет, как вдруг Белый Кролик с розовыми глазками пробежал мимо нее.

В этом не было, конечно, ничего особенного. Не удивилась Алиса и тогда, когда Кролик пробормотал себе под нос:

— Ах, боже мой, я опоздаю!

Думая об этом впоследствии, Алиса не могла понять, почему же она не удивилась, услышав, что Кролик заговорил, но в тот момент это не показалось ей странным. Однако, когда Кролик вынул из жилетного кармана часы и, взглянув на

них, побежал дальше, Алиса вскочила, сообразив, что никогда еще не случалось ей видеть Кролика в жилете и с часами. Сгорая от любопытства, она бросилась за ним и успела заметить, как он юркнул в кроличью нору под живой изгородью.

Алиса последовала за ним, даже не подумав о том, как она выберется оттуда.

Кроличья нора сначала была прямая как тоннель, но потом обрывалась так внезапно, что Алиса не успела опомниться, как полетела куда-то вниз, точно в глубокий колодец.

То ли колодец был уж очень глубок, то ли Алиса падала слишком медленно, но она вполне успела осмотреться и задуматься о том, что же будет дальше.

Сначала она поглядела вниз, но там было так темно, что невозможно было ничего разглядеть. Тогда она стала рассматривать стены колодца; на них было много шкафов с книгами и полок с посудой, а кое-где висели по стенам географические карты и картины. Пролетая мимо одной из полок, Алиса схватила стоявшую на ней банку. На банке был бумажный ярлычок с надписью: «Апельсиновый джем». Однако, к величайшему огорчению Алисы, банка была пуста. Сначала она хотела просто бросить банку, но, побоявшись попасть кому-нибудь в голову, ухитрилась поставить ее на другую полку, мимо которой пролетала.

«После такого падения, — думала Алиса, — мне уж не страшно будет упасть с лестницы. И дома меня, наверное, все будут считать очень смелой.

Мне кажется, что если бы я свалилась с крыши даже самого высокого дома, то это было бы не так необычно, как провалиться в такой колодец».

Размышляя так, Алиса падала все ниже, ниже и ниже.

«Неужели этому не будет конца? — подумала она. — Хотелось бы мне знать, сколько километров успела я пролететь за это время?»

— Я, — сказала она громко, — теперь уж, наверное, нахожусь недалеко от центра Земли. А до него… гм… до него, кажется, шесть тысяч километров.

Алиса уже изучала разные предметы и кое-что знала. Правда, сейчас неуместно было хвалиться своими познаниями, да и не перед кем, но все-таки освежить их в памяти было нелишне.

— Да, до центра Земли шесть тысяч километров. Под какой же я теперь широтой и долготой? — Алиса не имела ни малейшего понятия о широте и долготе, но ей нравилось произносить такие серьезные умные слова.

— А может быть, я пролечу через весь земной шар насквозь! — предположила она. — Как смешно будет увидеть людей, которые ходят головами вниз! Их, кажется, называют анти… патиями. (Тут Алиса запнулась и даже порадовалась, что

у нее нет слушателей; она почувствовала, что слово это — неправильное и что этих людей называют не антипатиями, а как-то по-другому.) Я спрошу у них, в какую страну я попала. «Скажите, пожалуйста, сударыня, это Новая Зеландия или Австралия?» — спрошу я у какой-нибудь дамы (Алиса хотела при этом сделать реверанс, но на лету это было ужасно трудно сделать). Только она, пожалуй, решит, что я совсем глупая и ничего не знаю! Нет, лучше уж не спрашивать. Может быть, я прочитаю на указателе, какая это страна.

Время шло, а Алиса все продолжала падать. Делать ей было совершенно нечего, и она снова стала рассуждать вслух:

— Дина будет очень скучать без меня сегодня вечером (Диной звали Алисину кошку). Надеюсь, ей не забудут налить вечером в блюдечко молока… Дина, моя милая, как бы мне хотелось, чтобы ты была сейчас здесь, со мной! Правда, мышей здесь не видно, но ты могла бы поймать летучую мышь, а она очень похожа на обыкновенную. — Тут Алисе вдруг захотелось спать, и совсем сонным голосом она проговорила: — Едят ли кошки летучих мышек? — Она повторяла свой вопрос снова и снова, но иногда ошибалась и спрашивала: — Едят ли летучие мышки кошек

или нет? — Впрочем, ведь раз некому ответить, то не все ли равно, о чем спрашивать?

Алиса чувствовала, что засыпает, и вот ей уж приснилось, что она гуляет с Диной и говорит ей:

— Признайся-ка, Диночка, ела ты когда-нибудь летучую мышь?

И вдруг — хлоп! — Алиса упала на кучу листьев и сухих веток.

Но она ни капельки не ушиблась и тотчас же вскочила на ноги. Алиса посмотрела наверх, но у нее над головой была непроглядная темень. А прямо перед ней тянулся длинный проход, и Алиса успела заметить Белого Кролика, который со всех ног бежал по этому проходу. Нельзя было терять ни минуты. Алиса понеслась за ним, как ветер, и услышала, как он, поворачивая за угол, пробормотал:

— Ах, мои ушки и усики! Как же я опаздываю!

Алиса была совсем близко от Кролика, когда он повернул за угол. Она бросилась следом, но Кролик вдруг исчез. А Алиса очутилась в длинном зале с низким потолком, с которого свешивались лампы, освещавшие помещение.

В зале было множество дверей, но все они были заперты. Алиса убедилась в этом, подергав

каждую из них. Огорченная, она бродила по залу, раздумывая над тем, как же ей выбраться отсюда.

И вдруг Алиса увидела в центре зала столик из толстого стекла, а на нем золотой ключик. Алиса обрадовалась — она решила, что это ключ от одной из дверей. Увы, ключ не подошел ни к одной из них; одни замочные скважины были слишком большими, другие — слишком маленькими, и ключик никак не влезал в них.

Обходя зал во второй раз, Алиса заметила занавеску, на которую раньше не обратила внимания. Приподняв ее, Алиса увидела низенькую дверцу высотой сантиметров тридцать. Она попробовала вставить ключ в замочную скважину, и, к ее величайшей радости, он подошел!

Алиса открыла дверцу, за ней оказался вход величиной с мышиную норку в узкий коридор, откуда лился яркий солнечный свет. Алиса опустилась на колени, заглянула туда и увидела самый чудесный сад, какой только можно было себе вообразить. Ах, как было бы замечательно оказаться в этом саду среди клумб с яркими цветами и прохладными фонтанами! Но в узкий ход не могла пролезть даже голова Алисы. «Да и что толку, если бы голова пролезла? — подумала

Алиса. — Все равно, плечи бы не прошли, а кому нужна голова без плечей? Ах, если бы я могла складываться, как подзорная трубка! Может быть, я и смогла бы, если бы только знала, с чего начать».

Столько удивительных вещей случилось в этот день, что Алисе уж начало казаться, что на свете нет ничего невозможного.

Так как в маленькую дверку никак нельзя было пройти, то нечего было и стоять около нее. Ах, как хорошо, если бы можно было стать совсем маленькой! Алиса решила вернуться к стеклянному столику: а вдруг там найдется еще какой-нибудь ключик. Но никакого ключа на столе не было, зато Алиса увидела пузырек, которого — она была вполне уверена в этом — раньше здесь не было. На бумажке, привязанной к пузырьку, было красиво написано крупными печатными буквами: «Выпей меня».

Конечно, нехитрое дело написать: «Выпей меня», да и выпить из пузырька было проще простого, но Алиса была девочкой умной и не стала с этим спешить. «Сначала я посмотрю, — благоразумно рассудила она, — не написано ли на пузырьке «Яд». Она прочитала много поучительных историй про детей. С детьми, о которых в них

рассказывалось, случалось множество всяческих неприятностей — они погибали в огне или попадали в лапы к диким зверям. А все потому, что они не слушали, что им говорили родители. Например, что о горячий утюг можно обжечься, что из ранки на пальце, если обрежешь его острым ножом, пойдет кровь. Но Алиса-то хорошо помнила все это; помнила она также, что не следует пить из пузырька, на котором написано «Яд», потому что от этого могут случиться ужасные вещи.



На этом пузырьке не было написано слово «Яд», и Алиса решила попробовать его содержимое. А так как оно оказалось очень вкусным и напоминало одновременно и пирог с вишнями, и жареную индейку, и ананас, и поджаренные тосты с маслом, то Алиса сама не заметила, как

выпила все до капли.

— Как странно! — воскликнула Алиса. — Мне кажется, я складываюсь, как подзорная трубка!

Так оно и было на самом деле. Алиса сделалась совсем крошкой, ростом всего в четверть метра. Лицо ее просияло при мысли, что теперь ей можно будет пройти в узенький вход и погулять в волшебном саду. Сначала, однако, она подождала немного, чтобы узнать, не станет ли она еще меньше. Это очень смущало ее. «Ведь если я буду делаться все меньше и меньше, как горящая свеча, что же в конце концов станет со мной?» — с тревогой думала Алиса. Она попыталась представить себе, что же бывает с пламенем свечи, когда сама свеча догорит и потухнет. Но это ей не удалось — ведь Алиса ни разу в жизни не видела догоревшую дотла свечку.

Убедившись, что она не становится меньше, Алиса решила тотчас же отправиться в сад, но, подойдя к дверце, вспомнила, что оставила на столе золотой ключик. А когда вернулась за ним к столу, то поняла, что не может достать до него. Она хорошо видела ключ сквозь стекло и попробовала было дотянуться до него, карабкаясь по ножке стола. Но из этого ничего не вышло, так как ножка была очень скользкая. Алиса несколько

раз пробовала взбираться по ней, но все неудачно. Наконец, совсем выбившись из сил, бедная девочка села на пол и заплакала.

— Ну, хватит плакать! Этим делу не поможешь! — строго сказала она себе, поплакав немного. — Советую тебе перестать! Что толку сидеть и лить слезы!

Алиса, надо сказать, частенько давала себе очень разумные советы, но довольно редко следовала им. Иногда она делала себе такие строгие выговоры, что слезы наворачивались у нее на глаза; а однажды она даже выдрала себя за уши за то, что сплутовала, играя в крокет сама с собой. Алиса очень любила воображать, что в ней одновременно живут два разных человека.

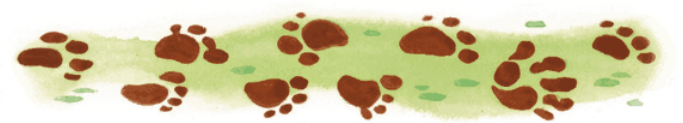
«Но сейчас для таких фантазий не время, — подумала Алиса. — От меня осталось так мало, что и одна-то девочка еле-еле получится».

И тут Алиса заметила под столом маленькую стеклянную коробочку. В ней оказался пирожок, на котором изюминками было выложено: «Съешь меня».

«Отлично, попробую съесть этот пирожок, — подумала Алиса. — Если я стану больше, то достану ключ, а если стану меньше, то, может быть, пролезу под дверь. В любом случае я смогу

попасть в сад».

Она откусила маленький кусочек и положила руку на голову, чтобы узнать, будет она расти или станет ниже. К ее величайшему удивлению, ничего не произошло, ее рост не изменился. Вообще-то обычно так и бывает, когда ешь пирожки, но Алиса уже стала привыкать к чудесам и теперь очень удивилась, что ничего чудесного с ней не произошло. Она снова откусила кусочек пирожка и незаметно съела его весь.



# Глава вторая
# Слёзный пруд

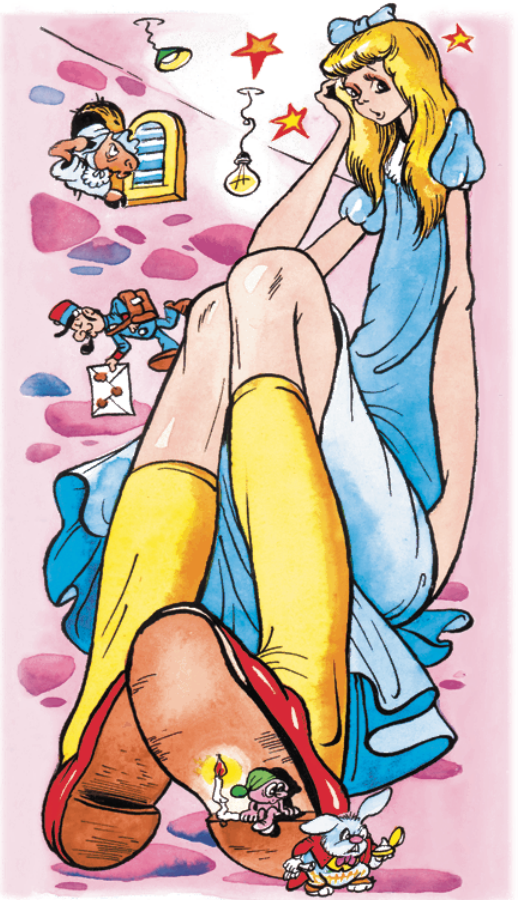
— Господи, что же это такое? — изумленно воскликнула Алиса. — Я начинаю вытягиваться, как огромная, самая огромная подзорная труба! Прощайте, ноги!

Когда она взглянула вниз, то едва разглядела свои ноги — так далеко они были.

— Бедные мои ножки! Кто же будет теперь надевать на вас чулочки и туфельки?! Я-то буду слишком далеко, чтобы о вас заботиться. Придется вам самим как-нибудь приспособиться… Но я должна быть добра к ним, — задумчиво проговорила Алиса, — а то они, пожалуй, не захотят идти туда, куда мне нужно. Что бы мне сделать для них? А вот что: я буду покупать им по паре новых туфелек к каждому Рождеству. — И Алиса стала раздумывать, как это устроить.

«Туфли придется посылать с посыльным, — думала она. — Как забавно будет делать подарки своим собственным ногам! И как странно будет надписывать:

*«Госпоже правой ноге Алисы.*
*Посылаю Вам мягкий коврик.*
*С сердечным приветом, Алиса».*



— Какие же глупости приходят мне в голову!

Тут Алиса стукнулась головой о потолок, так как теперь была ростом больше трех метров. Вспомнив про чудесный сад, она схватила золотой ключик и бросилась к дверце.

Но бедняжка не подумала о том, что теперь она никак не сможет попасть в сад. Она только и могла, лежа на боку, смотреть в сад одним глазком. Алиса села на пол и горько заплакала.

— Как тебе не стыдно! — снова одернула она сама себя. — Такая большая девочка — и плачет! Прекрати сию же минуту, слышишь?

Но уговоры не действовали — Алиса продолжала плакать. Слезы ручьями лились у нее из глаз, и скоро вокруг нее образовалось целое озеро.

Вдруг вдалеке послышался едва уловимый топоток. Он становился все отчетливее. Алиса торопливо вытерла глаза — надо же ей было посмотреть, кто это идет. Оказалось, что это был Белый Кролик. Разодетый, с парой белых лайковых перчаток в одной руке и с большим веером в другой, он очень торопился и на ходу бормотал себе под нос:

— Ах, Герцогиня, Герцогиня! Она страшно рассердится за то, что я заставил ее ждать.

Алиса была в таком отчаянии, что готова была

обратиться за помощью к кому угодно. И потому, когда Кролик приблизился, она робко окликнула его:

— Простите, пожалуйста, господин Кролик...



Но она не успела договорить. Кролик подскочил на месте, выронил свои перчатки и веер и, бросившись со всех ног прочь от Алисы, скрылся в темноте.

Алиса подняла упавшие вещи и стала обмахиваться веером, потому что в зале было очень жарко.

— Какие странные вещи случаются сегодня! — сказала она. — А еще вчера все шло как обычно. А может, это я сама вдруг стала какая-то не такая? Постараюсь вспомнить. Такая ли я была, как всегда, когда встала утром? Мне кажется, утром я была немножко другая. Кто же я теперь? Вот в чем загадка.

И Алиса стала вспоминать всех своих подружек, чтобы понять, не превратилась ли она в одну из них.

— Я уж точно не Ада, — размышляла Алиса. — У нее такие чудесные вьющиеся волосы, а мои совсем не вьются. И, конечно, я и не Мабель, потому что я уже столько всего знаю, а она не знает почти ничего. К тому же ведь Мабель и есть Мабель, а я — это я. Как же все это странно и непонятно! Посмотрим, знаю ли я теперь то, что знала раньше… Четырежды пять — двенадцать, четырежды шесть — тринадцать, четырежды семь… Что же

это? Ведь так я никогда не дойду до двадцати! Да и потом ведь таблица умножения — это совсем не важно. Лучше проверю себя по географии. Лондон — столица Парижа, Париж — столица Рима, Рим… нет, по-моему, не так! Похоже, я все-таки превратилась в Мабель. Попробую вспомнить стихи про крокодила.

Алиса сложила руки, как делала всегда, отвечая урок, и начала читать стишок. Но голос у нее был какой-то хриплый, да и слова как будто были не те, что она учила раньше:

*Милый, добрый крокодил*
*С рыбками играет.*
*Рассекая гладь воды,*
*Он их догоняет.*
*Милый, добрый крокодил,*
*Нежно так, когтями*
*Хватает рыбок и, смеясь,*
*Глотает их с хвостами!*

— Нет, я и тут что-то напутала! — воскликнула Алиса, и у нее на глаза навернулись слезы. — Должно быть, я и вправду стала Мабель, и теперь мне придется жить в их тесном неуютном домишке, и у меня не будет моих игрушек, и я должна

буду все время учить уроки! Нет, я решила: если уж я — Мабель, тогда лучше я останусь здесь, под землей. А вдруг кто-нибудь просунет голову сверху и скажет: «Иди сюда, милая!» А я тогда посмотрю наверх и спрошу: «А я кто? Сначала скажите мне это, и если мне понравится быть тем, кем я стала, то я выйду наверх. А если нет, то останусь здесь до тех пор, пока не сделаюсь кем-нибудь другим…» Но как бы мне хотелось, — воскликнула Алиса, и слезы ручьем хлынули у нее из глаз, — как бы мне хотелось, чтобы хоть кто-нибудь заглянул сюда! Так плохо быть здесь совсем одной!

Сказав это, Алиса опустила глаза и с удивлением обнаружила, что сама не заметила, как надела на руку крошечную перчатку Кролика. «Должно быть, я опять стала маленькой», — подумала она и бросилась к столу, чтобы выяснить, какого же теперь она стала роста.

Ну и ну! Она и вправду стала гораздо ниже — теперь она была немногим больше полуметра ростом и с каждой минутой становилась все меньше и меньше. К счастью, Алиса сообразила, отчего это происходит. Дело, конечно, было в веере Кролика, который она держала в руке. Алиса тут же отбросила его в сторону — и как раз

вовремя, иначе она бы исчезла без следа.

— Еле успела! — воскликнула Алиса, очень довольная, что все кончилось благополучно. — Ну, а теперь в сад!

И она побежала к маленькой дверце. Но дверца была заперта, а золотой ключик по-прежнему лежал на стеклянном столе.

«Сплошные неприятности, — с досадой подумала бедная девочка. — Такой маленькой я еще никогда не была. И мне это совсем не нравится!»

И тут в довершение ко всем своим неудачам Алиса поскользнулась. Раздался шумный всплеск, полетели брызги, и она очутилась по самую шею в соленой воде. Алиса решила, что оказалась в море. «В таком случае, — с надеждой подумала она, — я могу вернуться домой на пароходе».

Однажды, когда Алиса была совсем маленькой, она была на море. Правда, она не очень хорошо представляла, какими бывают морские берега. Алиса вспомнила, как дети с деревянными лопатками копались в песке, а чуть подальше, за песчаной полосой, тянулся ряд домов, а недалеко от берега стояли пароходы. Однако Алиса быстро поняла, что попала не в море, а в озеро или в пруд, который образовался из ее слез, когда она была ростом до потолка.

— И зачем только я плакала так долго! — сказала Алиса, плавая в слезах и пытаясь выбраться на сушу. — Пожалуй, кончится тем, что я утону в моих собственных слезах! Это просто невероятно! Впрочем, все, что сегодня происходит, невероятно!

В это время недалеко от нее послышался громкий всплеск, и Алиса поплыла в ту сторону, чтобы посмотреть, кто бы это мог быть. В первую минуту ей пришло в голову, что это морж или бегемот, но потом она вспомнила, какой маленькой стала сама, и увидела, что навстречу ей плывет мышка, которая, должно быть, так же как и она сама, нечаянно попала в этот слёзный пруд.



«Может, мне сто́ит заговорить с этой мышкой? — подумала Алиса. — Здесь все так необыкновенно, что я не удивлюсь, если мышь умеет говорить. Во всяком случае, ничего плохого не будет, если я попробую».

— Не знаете ли вы, Мышь, куда нужно плыть, чтобы выбраться из этого пруда? — спросила она. — Я уже устала плавать, милая Мышка!

Мышь внимательно посмотрела на Алису и даже как будто прищурила один глаз, но ничего не ответила.

«Похоже, она меня не понимает, — решила Алиса. — Может быть, это французская мышка, которая приплыла сюда вместе с войском Вильгельма Завоевателя».

— Ощ est ma chatte? — произнесла она первую фразу из своего французского учебника, что означало: «Где моя кошка?»

Мышь так и подскочила в воде и задрожала от страха.

— О, простите меня, пожалуйста, — поспешила сказать Алиса, от души сожалея, что так напугала бедную мышку, — я забыла, что вы не любите кошек.

— Не люблю кошек! — пронзительно пропищала Мышь. — А вы бы любили их на моем месте?

— Должно быть, нет, — кротко ответила Алиса. — Пожалуйста, не сердитесь на меня. Но если бы вы только увидели нашу кошку Дину, я думаю, вы полюбили бы кошек. Она такая хорошенькая! А как мило мурлычет она, когда сидит около огня, лижет себе лапки и умывает мордочку. Я очень люблю держать ее на руках, и она молодец: так ловко ловит мышей… Ах, пожалуйста, прости-

те! — снова воскликнула Алиса, видя, что Мышь так возмущена Алисиной бестактностью, что вся шерсть встала у нее дыбом. — Мы не будем больше говорить про нее!

— Мы! — возмущенно воскликнула Мышь, дрожа до самого кончика хвоста. — Как будто я могу говорить про такие вещи! Все наше племя ненавидит кошек — этих мерзких, низких, грубых животных! Не произносите больше при мне этого слова!

— Не буду, — покорно ответила Алиса и, спеша поскорее сменить тему, спросила: — А любите ли вы собак?

Так как Мышь ничего не ответила, Алиса снова заговорила:

— Около нашего дома живет такая миленькая собачка. Мне очень бы хотелось показать ее вам. Это терьер — вы знаете эту породу? У него блестящие глазки и длинная шелковистая шерсть. И он умеет приносить хозяину вещи, если бросить ему, и встает на задние лапки, когда просит, чтобы ему дали поесть или хочет чего-нибудь вкусного. Это собачка фермера, и он говорит, что ни за какие деньги не расстанется с ней — такая это умная собака. А еще хозяин говорит, что она отлично ловит крыс, и мы… Ах, боже мой, я опять

испугала ее! — жалобно воскликнула Алиса, видя, что Мышь торопливо уплывает от нее в сторону, так сильно загребая лапками, что волны пошли по всему пруду.

— Милая Мышка! — воскликнула Алиса. — Пожалуйста, вернитесь! Мы не будем больше говорить ни про кошек, ни про собак, если вы так не любите их.

Услыхав это, Мышь повернула назад. Мордочка ее побледнела («Видно, оттого, что она очень рассердилась», — решила Алиса). Чуть слышно, дрожащим голосом Мышь сказала Алисе:

— Поплывем к берегу, и там я расскажу вам мою историю, и вы поймете, почему я ненавижу кошек и собак.

Да, и вправду пора было плыть к берегу: в пруду теснилось теперь множество животных и птиц, случайно попавших туда. Тут были: Утка, птица Додо, попугай Лори, Орленок и много других зверей и птиц. И Алиса вместе со всеми поплыла к берегу.

# Глава третья
# Скачки наперегонки

Странное общество собралось на берегу: птицы с перепачканными в грязи перьями, животные со слипшейся шерстью. Все они вымокли так, что с них стекала вода, и вид у всех был мрачный и несчастный.

Первым делом надо было, конечно, решить, как поскорее обсохнуть. Птицы горячо спорили об этом; Алиса тоже принимала участие в обсуждении и разговорилась со всеми так запросто, как будто знала их всю жизнь. И это совсем не удивило Алису. Она даже поспорила с попугаем Лори, который в конце концов оборвал их спор словами: «Я старше тебя и потому знаю больше». Алиса не могла вот так просто согласиться с этим, не имея понятия о том, сколько ему лет. Но Лори самым решительным образом отказался назвать свой возраст, и после этого, уж конечно, им не о чем было говорить.

— Хватит спорить! Все замолчите и слушайте меня, — строго провозгласила Мышь, которая, по-видимому, пользовалась в этом обществе большим уважением. — Я быстро вас высушу!

Все послушно расселись вокруг Мыши. Алиса с интересом ждала, что же будет дальше. Она не сомневалась, что наверняка простудится, если платье ее не высохнет в самое ближайшее время.

— Итак! — важно сказала Мышь. — Уселись? Вы сразу высохнете от моего рассказа, так как более сухой материи я не знаю. Попрошу абсолютной тишины, я начинаю! Вильгельм Завоеватель пользовался поддержкой Папы Римского. Папа благословил его, и вскоре Вильгельм был признан англичанами, так как они остро нуждались в сильном руководителе и вожде. Он же был известен своими завоеваниями и победами. Эдвин и Моркар, графы Мерсии и Нортумбрии…

— Уф! — сказал Лори, дрожа с головы до лап.

— Простите, — ледяным голосом обратилась к нему Мышь. — Что вы изволили сказать?

— Ровно ничего! — ответил Лори поспешно.

— Значит, я ошиблась: мне показалось, что вы что-то сказали, — заметила Мышь. — Итак, я продолжаю. Эдвин и Моркар, графы Мерсии

и Нортумбрии, приняли сторону Вильгельма, и даже архиепископ Кентерберийский Стайджент, известный своей преданностью отечеству, нашел это благоразумным и дальновидным.

ENGLAND

— Нашел что? — спросила Утка.

— Нашел это, — ответила Мышь раздраженно. — Ты, надеюсь, понимаешь, что значит «это».

— Я отлично понимаю, что значит «это», когда сама что-нибудь нахожу, — заметила Утка. — Это обыкновенно лягушка или червяк. Но я-то спрашиваю, что нашел архиепископ?

Мышь оставила без ответа этот вопрос и торопливо продолжала:

— Нашел это благоразумным и сам отправился с Эдгаром Ателингом навстречу Вильгельму Завоевателю и предложил ему корону. Вильгельм поначалу вел себя скромно, но дерзость норманнов… Ну, как ты себя теперь чувствуешь, душенька? — вдруг повернулась к Алисе Мышь.

— Я все такая же мокрая, — с грустью призналась Алиса, — я ни капельки не высохла. Ваша сухая материя мне что-то не помогает.

— В таком случае, — торжественно проговорил Додо, вскочив с места, — предлагаю почтенному собранию принять более радикальные меры и… отложить заседание.

— Говори понятнее! — прервал его Орленок. — Я не понимаю и половины твоих ученых слов, по-моему, ты сам не понимаешь их, — прибавил он и отвернулся, чтобы скрыть усмешку. А

некоторые из присутствующих довольно громко захихикали.

— Я хотел сказать, — обиженно проговорил Додо, — что мы быстрее просохнем, если устроим скачки наперегонки.

— Что такое — скачки наперегонки? — спросила Алиса.

— Чтобы объяснить, что это такое, лучше всего это устроить. (И так как, возможно, вы и сами захотите когда-нибудь это устроить, я вам расскажу, как это сделал Додо.)

Прежде всего он выбрал подходящее место и очертил круг, расставив вдоль него компанию. Потом предложил, чтобы кто-нибудь прокричал «Раз-два-три — начали!». Но никто не стал подавать команду, и каждый побежал, когда хотел, и останавливался, когда ему захотелось, и останавливался, когда уставал. Так они бегали с полчаса, и за это время все успели высохнуть.

— Стоп! Скачки закончены! — прокричал Додо.

Все окружили его.

— Кто же победил? — загалдели все. — Кому достанется приз?

Додо не мог вот так с ходу ответить на этот вопрос и надолго задумался, приложив коготь ко лбу, а участники скачек молча смотрели на него

и терпеливо ждали.

— Победили все, и приз будет вручен каждому! — наконец проговорил Додо.

— А кто же будет выдавать призы? — крикнули все хором.

— Конечно, она, — ответил Додо, показав на Алису.

— Призы! Призы! — закричали все, бросившись к Алисе.

Она растерялась и, не зная, что делать, опустила руку в карман. К счастью, в нем нашлась коробочка конфет, не промокнувших в соленой воде. Алиса стала всем раздавать конфеты, как призы. Всем, кроме самой Алисы, досталось по одной конфете.

— Как же так? — воскликнула Мышь. — Она тоже должна получить приз!

— Бесспорно, — согласился Додо.

— Нет ли у тебя еще чего-нибудь в кармане? — спросил он Алису.

— Только наперсток, — грустно ответила она.

— Давай его сюда, — распорядился Додо.

Все окружили Алису, и Додо торжественно вручил ей наперсток, сказав при этом:

— Просим тебя принять эту изящную вещицу!

И со всех сторон раздались восторженные кри-

ки и рукоплескания.

Церемония эта показалась Алисе очень глупой, но все смотрели на нее так серьезно, что она не решилась рассмеяться. Не зная, что сказать в ответ, Алиса молча поклонилась и взяла наперсток, стараясь выглядеть серьезной.

Затем все общество принялось за конфеты. При этом не обошлось без обид и недовольных возгласов. Большие птицы жаловались, что не распробовали вкуса конфет, а маленькие поперхнулись ими, и их пришлось хлопать по спине. Наконец конфеты были съедены. Все снова уселись в кружок и попросили Мышь рассказать что-нибудь еще.

— Вы обещали рассказать свою историю, — напомнила Алиса, — и объяснить, почему вы так не любите «К» и «С». — Она не решилась сказать «кошек» и «собак», да и начальные буквы слов произнесла шепотом, чтобы снова не обидеть Мышь.

— Моя история подлиннее, чем мой хвост, и очень печальная, — тяжело вздохнула Мышь, обернувшись к Алисе. — Но, выслушав ее, не спешите называть меня хвастуньей, но помните только, что и я способна на мужество и самопожертвование.

— Ваша история, наверно, очень интересна, — вежливо ответила Алиса, внимательно глядя на хвост Мыши, — но все же название «хвастунья» очень вам к лицу, и я понять не могу, почему оно вам не нравится.

Пока Мышь говорила, Алиса все время смотрела на мышиный хвостик, — вот почему этот рассказ представился ей в следующем виде:

*Встретив мышку на крыше,*
*Кот сказал бедной Мыши:*
*– По закону судиться*
*Я желаю с тобой.*
*И запомни-ка сразу —*
*Не приму я отказа,*
*Хоть, похоже, сегодня*
*День в суде выходной. —*
*Робко молвила мышка:*
*– Неужели мне крышка?*
*Без судьи и присяжных*
*Суд, простите, не суд! —*
*Кот сказал*
*С миной важной:*
*– Я судья и присяжный.*

*Присужу тебя к смерти,*
*Тем*
*и кончим*
*наш*
*суд!*

— Ты, кажется, не слушаешь меня! — вдруг строго сказала Мышь, взглянув на Алису. — О чем это ты думаешь?

— Нет, я слушаю внимательно, — кротко ответила Алиса, — вы дошли до пятого важного момента… Если не ошибаюсь.

— Я дошла до очень важного узла…

— Узел на хвостике? — воскликнула Алиса, всегда готовая оказать услугу. — О, давайте я помогу вам его развязать!

— Не дам! — оборвала ее Мышь и встала, чтобы уйти. — Предложение ваше просто оскорбительно!

— Я не хотела вас оскорбить, — взмолилась Алиса, — но, честно говоря, вы слишком обидчивы!

Мышь только проворчала что-то в ответ.

— Вернитесь, пожалуйста, и доскажите свою историю! — крикнула ей вслед Алиса.

Все остальные тоже начали упрашивать Мышь вернуться, но она только покачала головой и

прибавила шагу.

— Как жаль, что Мышь покинула нас! — сказал Лори, когда Мышь скрылась из виду.

А старый краб, воспользовавшись случаем, назидательно сказал юному крабу:

— Вот так-то, мой милый! Прими во внимание этот урок и никогда не выходи из терпения!

— Замолчите, папаша, — дерзко ответил юный краб, — вы сами способны вывести из терпения даже терпеливую устрицу!

— Ах, если бы Дина была здесь! — воскликнула Алиса. — Она бы живо вернула ее назад.

— А кто такая Дина, смею спросить? — проговорил Лори.

— Это наша кошка, — с гордостью ответила Алиса, она всегда была готова рассказывать про свою любимицу. — Она замечательно ловит мышей! А посмотрели бы вы, как она охотится за птицами! Она в мгновение ока может поймать и съесть маленькую птичку!

Слова Алисы сильно взволновали все общество.

— Мне пора домой! — сказала старая Сорока. — От холодного воздуха у меня может заболеть горло.

А Канарейка дрожащим голосом позвала своих

птенчиков.

— Скорее, дети! — кричала она. — Вам давно уже пора спать.

Все, ссылаясь на какую-нибудь уважительную причину, улетали или уходили, и через несколько минут Алиса осталась одна.

— Видимо, я напрасно упомянула о Дине, — со вздохом проговорила она. — Никто здесь, похоже, не симпатизирует кошкам, а ведь другой такой хорошенькой кошечки не найдется во всем свете! Ах, моя милая Дина! Неужели я никогда не увижу тебя?!

Тут бедная Алиса снова заплакала: она чувствовала себя такой несчастной и одинокой!

Через некоторое время недалеко от нее послышались шаги. Алиса обернулась, решив, что это Мышь передумала и возвращается обратно, чтобы досказать свою историю.

# Глава четвертая
# Кролик посылает Билла к себе в дом

Но это была не Мышь, а Белый Кролик. Он медленно брел назад и озабоченно оглядывался по сторонам, словно искал что-то. Алиса услышала, как он бормотал себе под нос:

— Что-то скажет Герцогиня? Ах, вы бедные мои лапки! Ах, мои усики и бедная моя шкурка! Она велит меня казнить; это так же верно, как то, что хорек — это хорек! И где только я мог их потерять?

Алиса сразу поняла, что Кролик ищет свои перчатки и веер. Алиса хотела помочь Кролику и огляделась вокруг, но ни веера, ни перчаток нигде не было видно. Все странным образом изменилось с тех пор, как она упала в пруд. Зал с низким потолком, стеклянный столик, маленькая дверца — все куда-то исчезло.

Заметив Алису, Кролик сердито крикнул ей:

— Что ты тут делаешь, Мэри-Энн? Беги сию же минуту домой и принеси мне веер и пару перчаток. Живо!

Алиса до того изумилась, что тотчас же побежала в ту сторону, куда показывал Кролик, даже не попытавшись объяснить ему, что он ошибся.

«Он, наверное, принял меня за свою горничную! — думала она. — Как же он удивится, когда узнает, что это не так. Я, конечно, постараюсь принести ему веер и перчатки, если только найду их!»

И только она это подумала, как увидала симпатичный маленький домик с блестящей медной дощечкой на двери, на которой было изящно выгравировано: *«Б. Кролик».* Алиса вбежала в домик, не постучавшись, и бросилась вверх по лестнице. Она ужасно боялась, что встретится с настоящей Мэри-Энн и та прогонит ее из дому прежде, чем она найдет веер и перчатки.

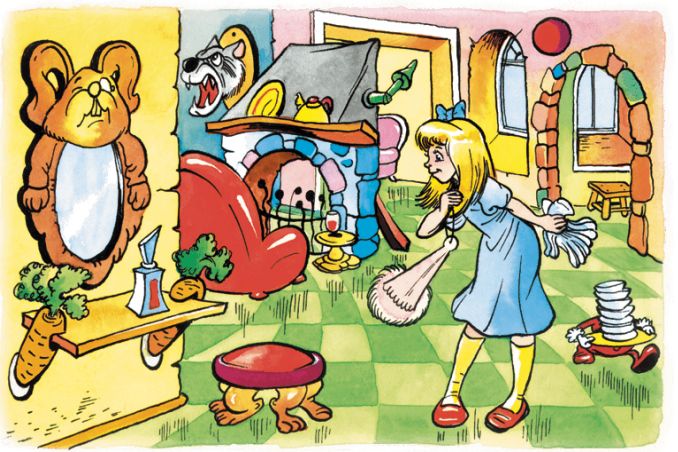
— Как странно, что мне приходится исполнять поручения какого-то Кролика! — сказала вслух Алиса. — Так, пожалуй, скоро я и у Дины буду служить на посылках!

И Алиса представила себе, как это будет.

«Мисс Алиса, идите скорее одеваться, пора идти на прогулку», — скажет ей няня. «Я сейчас не могу, няня, — ответит ей Алиса. — Дина велела мне сидеть до ее прихода около вот этой щелочки и сторожить мышку. Дине нужно знать, выходила

ли она оттуда».

— Правда, если Дина вздумает так распоряжаться, — сказала Алиса, — то ее вряд ли станут держать в доме.



С этими словами Алиса вошла в маленькую чистенькую комнатку; около окна стоял комод, а на нем лежали веер и две-три пары белых парадных

лайковых перчаток. Алиса схватила одну пару и веер и уже собралась уходить, как вдруг увидела пузырек, стоявший у зеркала. На нем не было ярлычка с надписью «Выпей меня», но Алиса все-таки вынула пробку и осторожно приложила пузырек к губам.

«Я уже знаю, если здесь что-нибудь выпью или съем, — рассуждала Алиса, — непременно случится что-нибудь необыкновенное. Посмотрю, что будет, если я выпью из этого пузырька. Хорошо бы я стала немножко побольше; мне уже надоело быть такой крошкой».

Алиса и в самом деле стала расти, и гораздо быстрее, чем могла предположить. Не успела она выпить и половины пузырька, как почувствовала, что голова ее упирается в потолок. Алисе даже пришлось пригнуться, чтобы не сломать себе шею, и она поспешно поставила пузырек на место.

— Хватит! — сказала она себе. — Надеюсь, что я больше не вырасту. Я и сейчас-то не смогу выбраться из домика. И зачем только я выпила так много!

Но ничего уже нельзя было исправить. А Алиса все продолжала расти. Скоро ей пришлось стать на колени, потом сесть на пол и, наконец, лечь,

упершись локтем в дверь. Однако она росла и росла. Ей даже пришлось просунуть одну руку в открытое окно, а одну ногу поместить в камин.

— Но больше я уже ничего сделать не смогу, если буду расти и дальше, — сказала она, — будь что будет!

К счастью для Алисы, действие волшебного напитка закончилось, и она, наконец, перестала расти. Но это ее не очень-то обрадовало — она не представляла, как выберется из домика Кролика, и почувствовала себя совершенно несчастной, что, конечно, можно понять.

«Как хорошо было дома, — думала бедная девочка. — Там я не становилась то больше, то меньше, и кролики и мыши не командовали мной. Напрасно я полезла в кроличью нору, хотя… такой жизнью тоже интересно пожить. Когда я читала волшебные сказки, мне казалось, что в жизни такие необыкновенные вещи не случаются, а теперь все эти необыкновенные вещи случились со мной. Нужно было бы написать книжку про меня. Когда я стану большая, то напишу… Впрочем, я уже и так большая, — с грустью заметила Алиса, — стать больше у меня никак не получится, во всяком случае здесь!»

«А вдруг я и вправду никогда не стану взрос-

лой? — продолжала рассуждать Алиса. — Пожалуй, это было бы неплохо — тогда я бы никогда не состарилась. Да, но зато мне пришлось бы всю жизнь учить уроки. Нет, это меня не устраивает!»

— Какая же ты глупая, Алиса! — вдруг воскликнула она. — Ну разве можно здесь учить уроки? Тут даже и для тебя-то едва хватает места, а учебники вообще некуда положить.

Алиса продолжала разговаривать сама с собой, как вдруг около дома послышался голос Кролика. Алиса прислушалась.

— Мэри-Энн! Мэри-Энн! — кричал Кролик. — Принеси, наконец, мои перчатки, сию же минуту!

Потом легкие шаги послышались уже на лестнице. Испугавшись, что Кролик войдет и увидит ее, Алиса задрожала так, что затрясся весь дом: она совсем забыла, что стала теперь во много раз больше Кролика и потому ей нечего бояться его.

Между тем Кролик поднялся по лестнице и попытался открыть дверь. Но так как дверь открывалась внутрь дома и в нее упирался локоть Алисы, то ему это не удалось.

— Обойду кругом, — сказал Кролик, — и влезу в окно.



«Ну уж это нет!» — подумала Алиса. Она стала прислушиваться, и когда услышала, что Кролик подбирается к окну, высунула руку и сжала пальцы в кулак, как будто хотела схватить его. Она, конечно, его не поймала, но услышала слабый жалобный писк и звон разбитого стекла.

«Должно быть, Кролик упал на парник или на что-нибудь в этом роде и разбил стекло», — по-

думала она.

— Пат! Пат! — послышались вопли Кролика. — Где ты там?

— Я здесь, хозяин, — ответил незнакомый голос. — Яблоню окапываю.

— Поди-ка лучше сюда да помоги мне! — сердито проговорил Кролик.

Послышалась какая-то возня, и снова зазвенели разбитые стекла.

— А теперь скажи мне, Пат, что это такое в окне?

— Рука, хозяин.

— Рука? А видал ты когда-нибудь руки величиной с целое окно?!

— Видать не видал, но это все-таки рука.

— Ну, ей тут совсем не место. Ступай и убери ее!

Наступило продолжительное молчание, но потом до Алисы донесся шепот: «Нет, я не могу, хозяин, не могу!» — «А я говорю, что ты должен сделать это, трус ты этакий!»

Алиса опять высунула руку и попыталась ухватить неизвестного противника. На этот раз взвизгнули двое, и снова зазвенело разбитое стекло.

«Сколько же у них парниковых рам? — заду-

малась Алиса. — Интересно, что дальше будет? Хоть бы им удалось вытащить меня отсюда! Мне совсем не хочется торчать здесь».

Некоторое время было тихо. Потом послышалось тарахтенье колес садовой тачки, и несколько голосов заговорило разом:

— Где же другая лестница?

— Я принес только одну, другая у Билла.

— Тащи ее сюда, Билл! Поставь вот к этому углу!

— Нет, нужно сначала связать обе лестницы: они слишком короткие.

— Ну, вот теперь хорошо.

— Иди сюда, Билл, держи вот эту веревку!

— А крыша-то выдержит?

— Смотрите, одна черепица шатается, берегите головы!

(Раздался страшный треск и грохот.)

— Кто это сделал?

— Должно быть, Билл!

— А кто полезет в трубу — ты?

— Ну уж нет, полезай сам!

— И не подумаю! Пусть лезет Билл.

— Иди сюда, Билл! Твой хозяин велит тебе лезть в трубу!

«Значит, этот Билл спустится сюда через тру-

бу, — догадалась Алиса. — Они, похоже, все взвалили на бедного Билла! Не хотела бы я быть на его месте… Камин, правда, тесноват, но просунуть в него ногу и наподдать Биллу я как-нибудь сумею!»

Алиса просунула ногу в дымоход как можно глубже и прислушалась. А когда что-то или кто-то очень маленький зашуршал и завозился в трубе, Алиса сказала: «А вот и Билл» — и что было силы пнула ногой.

В трубе послышались шорох и писк, а потом раздались громкие крики:

— Глядите-ка! Это Билл!

— Держите его! Он упадет! — подал голос Белый Кролик.

На несколько мгновений воцарилась тишина, а потом снова заговорили все сразу:

— Поддерживай ему голову!..



— Дайте ему выпить! По глоточку, по глоточку!

— Что с тобой, старина?

— Что такое случилось?

— Давай рассказывай все начистоту!

Потом до Алисы донесся слабый, дрожащий голос («Это, наверное, Билл», — подумала она).

— Я и сам не пойму… Спасибо, теперь мне лучше, но я еще никак не приду в себя… Знаю только, как что-то огромное как двинет меня, я и вылетел из трубы, будто пробка!

— Точно, так все и было, старина! — закричали все.

— Придется поджечь дом! — послышался решительный голос Кролика.

Услышав такое, Алиса крикнула что было сил:

— Если вы сделаете это, я напущу на вас Дину!

После этого наступила глубокая тишина.

«Что-то они придумают теперь? — гадала Алиса. — Будь они поумнее, они разобрали бы крышу».

Через минуту снаружи снова послышался шум, и Кролик сказал:

— Одной тачки, полагаю, будет достаточно.

«Одной тачки чего?» — забеспокоилась Алиса. Очень скоро она узнала это. Град мелких камешков полетел в окно, и несколько даже попали ей в лицо.

«Ну это уж слишком», — подумала Алиса и крикнула громко:

— Советую вам прекратить!

И наступила мертвая тишина.

А Алиса с удивлением увидела, что упавшие на пол камешки превращаются в пирожки.

«Попробую-ка я съесть пирожок, — подумала она. — Наверняка что-нибудь произойдет с моим ростом. Больше расти мне уже некуда, значит, я стану меньше».

Она съела пирожок и с радостью заметила, что действительно стала уменьшаться. Когда рост ее уменьшился настолько, что ей уже можно было пройти в дверь, Алиса выбежала из домика и увидела целую толпу животных и птиц, собравшихся под окном вокруг Билла. Бедный Билл — маленькая ящерица — лежал на земле. Две морские свинки поддерживали его и поили из бутылки.

Как только Алиса показалась, все бросились к ней, но она бросилась бежать прочь и скоро очутилась в густом лесу.

«Первое, что мне нужно сделать, — это стать такого роста, какого я была дома, а второе — найти дорогу в чудесный сад. По-моему, это очень хороший план действий», — так думала Алиса,

пробираясь сквозь чащу по лесной тропинке.

План и в самом деле был хорош, единственное затруднение состояло в том, что Алиса положительно не знала, как привести его в исполнение. В то время, как она с беспокойством оглядывалась по сторонам, пытаясь выбраться на дорогу, у нее над головой вдруг раздался отрывистый лай. Алиса с испугом подняла глаза.

Огромный щенок глядел на нее сверху большими круглыми глазами и протягивал лапу, пытаясь ее потрогать.

— Ах ты мой миленький! — проговорила Алиса как можно ласковее и хотела щенку посвистеть, но в последний момент передумала. Алиса сообразила, что, если собака голодна, она, пожалуй, может запросто съесть ее, несмотря на все задабривания.

Алиса, не задумываясь, зачем она это делает, подняла с земли палочку и протянула ее щенку. Тот взвизгнул от радости, подпрыгнул и набросился с восторгом на палочку.

Алиса, боясь, как бы огромный щенок не придавил ее, спряталась за высокий чертополох. Но когда она отважилась выглянуть, то увидела, что щенок снова кинулся на палку, но не удержался на ногах и опрокинулся на спину. Алиса, отлично

сознавая, что ей при теперешнем ее росте игра со щенком была равносильна игре с лошадью, и опасаясь, что щенок может затоптать ее лапами, снова укрылась за чертополохом. А щенок с громким лаем то кидался на палку, то отпрыгивал от нее. Наконец, умаявшись, он сел довольно далеко от Алисы и, высунув язык и тяжело дыша, полуприкрыл свои огромные глаза.

Алиса решила воспользоваться удобным случаем. Она бросилась бежать со всех ног и остановилась только тогда, когда совсем выбилась из сил. Теперь лай собаки был едва слышен.

— А все-таки миленький был этот щеночек! — сказала Алиса, прислонившись к цветку и обмахиваясь листочком. — Я с удовольствием выучила бы его разным штукам, не будь я такая маленькая… Ах, я и забыла, что мне нужно прежде всего вырасти! Как же сделать это? Наверное, мне нужно съесть или выпить что-нибудь. Но что? Вот в чем вопрос!

Да, вопрос был важный, и Алиса стала внимательно рассматривать растения и цветы вокруг, но никак не могла решить, что же ей съесть или выпить, чтобы вырасти. Совсем рядом с Алисой рос большой гриб, величиной с нее. Осмотрев гриб со всех сторон, Алиса захотела поглядеть

и на шляпку гриба. Она встала на цыпочки и, к своему удивлению, встретилась взглядом с большим червяком, который сидел на грибе и, сложив маленькие лапки, преспокойно курил кальян, не обращая ни малейшего внимания ни на что вокруг.

# Глава пятая
# Совет Червяка

Алиса и Червяк некоторое время молча смотрели друг на друга. Наконец Червяк вынул мундштук изо рта и спросил вялым, сонным голосом:

— Кто ты такая?

Этот вопрос смутил Алису.

— Я… я не знаю, кто я теперь, — робко проговорила она. — Я знаю только, кем я была, когда встала сегодня утром. С тех пор я изменялась очень много раз.

— Что ты хочешь этим сказать? — строго спросил Червяк. — Объясни.

— Боюсь, я не смогу это объяснить, — ответила Алиса, — потому что теперь я уже не я.

— Не понимаю, — сказал Червяк.

— Очень жаль, но я, право же, не виновата, — проговорила Алиса. — Я и сама не понимаю. Когда становишься столько раз за день то больше, то меньше, это очень сбивает с толку.

— Нисколько, — сказал Червяк.

— Может быть, вам не приходилось испытать это, — вежливо заметила Алиса. — Но вот когда

вы станете куколкой, а потом бабочкой, то, я думаю, вы тоже почувствуете, как это странно.

— Нисколько, — упрямо проговорил Червяк.

— Значит, вы не такой, как я, — сказала Алиса. — Мне показалось бы это очень странным.

— Тебе? — презрительно фыркнул Червяк. — А ты кто такая?

Ну и ну! Они снова вернулись к тому, с чего начали. Этот бессмысленный разговор начал злить Алису. Она выпрямилась во весь рост и строго сказала:

— Мне кажется, что вы должны сперва сказать мне, кто вы такой.

— Почему? — спросил Червяк, и так как придумать ответ на этот вопрос было трудно, да и Червяк был, по-видимому, не в духе, то Алиса повернулась и пошла от него прочь.

— Вернись! — крикнул Червяк. — Мне нужно сказать тебе одну очень важную вещь.

Алиса вернулась только из любопытства.

— Никогда не следует выходить из себя, — сказал Червяк.

— И это все? — спросила Алиса, стараясь не показать, что рассердилась.

— Нет, — ответил Червяк.

Алиса решила подождать, потому что ей все

равно нечего было делать, а вдруг Червяк скажет что-нибудь интересное.

Некоторое время он молча выпускал клубы дыма и наконец заговорил.

— Так ты думаешь, что изменилась? — спросил Червяк.

— Да, так мне кажется, — ответила Алиса. — Я не могу вспомнить то, что знала раньше, и я чуть ли не через каждые десять минут становлюсь то больше, то меньше.

— Что же ты, собственно говоря, не можешь вспомнить? — спросил Червяк.

— Ну, например, стихи. Хотела прочитать наизусть одни, а получились совсем другие, — вздохнула Алиса.

— А про Стрекозу и Муравья знаешь?

Алиса кивнула, сложила руки и начала:

*Стрекоза, в заботах вся,*
*Летом делает дела:*
*Тащит, знай, и то, и это*
*Про запас, что дарит лето.*

*Праздно время не проводит —*
*На труды все дни уходят.*
*Муравей же всякий раз*

*Веселиться лишь горазд.*

*Вот зима сменила лето.*
*Льдом и снегом все одето.*
*И, продрогнув до костей,*
*Умоляет Муравей:*

*– Ты пусти меня, сестрица,*
*Нам пора бы подружиться.*
*Поделись своим добром,*
*Вместе сытно заживем.*

— Неверно! — перебил Алису Червяк.

— Да, похоже, что-то тут неправильно, — согласилась Алиса. — Словно все перепуталось. И слова, кажется, были другие.

— Неверно с самого начала и до конца, — решительно проговорил Червяк.

На несколько минут наступило молчание.

— Какого же роста тебе хотелось бы быть? — наконец спросил Червяк.

— Дело даже не в росте, — поспешила с ответом Алиса. — Неприятнее всего меняться так часто, понимаете?

— Не понимаю, — сказал Червяк.

Алиса промолчала. До сих пор никто и никогда ей так не противоречил и не обрывал на каждом

слове. Она почувствовала, что теряет терпение.

— А ты довольна своим теперешним ростом? — спросил Червяк.

— Мне хотелось бы быть немножко повыше, — ответила Алиса. — Десять сантиметров — что же это за рост!

— Это отличный рост! — с досадой проговорил Червяк и, встав на гриб, выпрямился во весь свой рост, а он был как раз такой.

— Но я не привыкла к такому росту! — жалобно проговорила бедная Алиса и подумала про себя: «Какие они все здесь обидчивые!»

— Со временем привыкнешь, — невозмутимо сказал Червяк и снова принялся за кальян. Алиса стояла и терпеливо ждала, когда ему снова вздумается заговорить. Через несколько минут Червяк перестал курить, зевнул пару раз и потянулся. Потом он спустился с гриба и пополз в траву, загадочно бросив на ходу:

— С одной стороны откусишь — вырастешь, с другой — станешь меньше.

— С одной стороны чего? С другой стороны чего? — крикнула ему вслед Алиса.

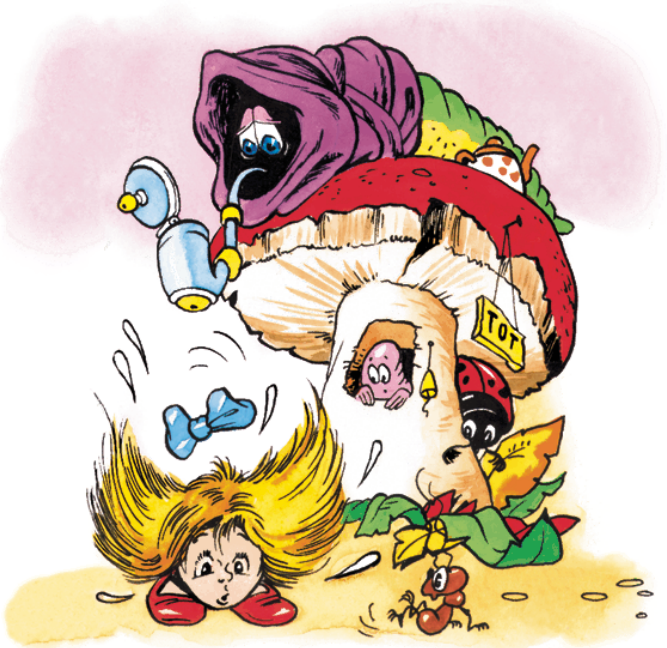
— Гриба, — ответил Червяк и в следующий миг пропал из вида.

Алиса задумчиво глядела на гриб, стараясь

сообразить, где у него правая и где левая сторона. Так как шляпка гриба была совершенно круглая, то она никак не могла решить это. Наконец, Алиса обхватила гриб обеими руками и отломила каждой рукой по кусочку от шляпки.

— Ну, будь что будет! — сказала Алиса и откусила немножко от кусочка, который был у нее в правой руке. В ту же минуту она почувствовала, как ударилась подбородком о собственные ноги.

Алиса ужасно испугалась. Нельзя было терять ни минуты — ведь еще немного, и она бы исчезла без следа. Она поспешно поднесла ко рту кусочек, который держала в левой руке. Ее подбородок так плотно прижимался к ногам, что она едва могла открыть рот. Наконец, ей это все-таки удалось, и она проглотила кусочек.




— Ура! Моя голова поднимается! — с восторгом

воскликнула Алиса. Но недолго пришлось ей радоваться. Оказалось, что теперь плечи ее куда-то пропали. Когда она смотрела вниз, то видела только необыкновенно длинную шею, которая поднималась, как высокий стебель над морем зелени, колышущейся внизу.

«Что это там внизу за зеленое море? — удивилась Алиса. — И куда девались мои плечи? А мои бедные руки — я совсем не вижу их!»

Она попыталась подвигать руками, но из этого ничего не вышло: только внизу прошелестела листва зелени.

Так как Алиса не могла поднять рук к голове, то попробовала опустить к ним голову и с радостью обнаружила, что шея ее может гнуться во все стороны, как змея. Алисе удалось изогнуть шею кольцами, и голова ее стала опускаться на зелень, которую она видела сверху. Оказалось, что это вершины деревьев, под которыми она стояла, когда с ней случилось последнее чудесное превращение. Но вдруг раздался резкий свист, и Алиса испуганно вскинула голову. Большая голубка налетела на нее и сильно ударила клювом по лицу.

— Змея! — кричала Голубка. — Ах ты змея!

— Я не змея, — с негодованием ответила Али-

са. — Оставьте меня в покое!

— А я говорю, что ты змея! — повторила Голубка, но уже не так уверенно, и добавила, зарыдав: — Я все перепробовала, но все оказалось неподходящим!

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — сказала Алиса.

— Я пробовала деревья, пробовала речной песок, пробовала кусты, — продолжала Голубка, не слушая Алису. — Но эти змеи! От них не спасешься нигде!

Алиса с недоумением слушала ее, но думала, что не стоит задавать вопросы, пока Голубка не кончит говорить.



— Как будто мало хлопот с высиживанием яиц! — продолжала Голубка. — А тут еще изволь день и ночь оберегать гнездо от змей! Вот уже три недели, как я не смыкаю глаз!

— Мне очень жаль, что у вас столько забот и волнений, — сказала Алиса, начиная понимать, о чем тревожится Голубка.

— А теперь, когда я выбрала самое высокое дерево в лесу, — пронзительно прокричала Голубка, — и думала, что наконец избавилась от змей, они начинают спускаться с неба!

— Но я же говорю вам, что никакая я не змея, — сказала Алиса. — Я… я…

— А кто же ты? — спросила Голубка.

— Я девочка, — ответила Алиса.

— Так я и поверю! — воскликнула Голубка. — Я видела много девочек в своей жизни, но не видывала ни одной с такой шеей! Нет, нет, ты змея! И ты напрасно стараешься вывернуться! Ты, пожалуй, станешь уверять меня, что никогда не едала яиц!

— Я, конечно, ела яйца, — сказала Алиса. (Она была правдивая девочка и не стала лгать.) — Но ведь вы, наверное, знаете, что и девочки едят яйца, как змеи?

— Никогда не поверю этому! — воскликнула

Голубка. — А если они в самом деле едят яйца, значит, они тоже змеи, только другой породы — вот и все!

Такая мысль никогда не приходила в голову Алисе, и потому она на минуту замолчала. А Голубка воспользовалась этим и добавила:

— Я знаю одно — ты забралась сюда за яйцами. А девочка ты или змея, мне решительно все равно.

— Ну, а мне не все равно, — сказала Алиса. — И никакие яйца мне не нужны. А если бы и были нужны, то, уж во всяком случае, не ваши. Я вообще не люблю сырых яиц.

— Так уходи отсюда! — крикнула Голубка и снова уселась в свое гнездо.

Алиса, как могла, пробиралась между деревьями, стараясь наклонить пониже голову. Но это ей плохо удавалось, потому что шея ее постоянно запутывалась в ветках, и Алисе приходилось останавливаться и выпутываться.

Не сразу Алиса вспомнила, что все еще держит в руках кусочки гриба, и начала осторожно, понемножку откусывать то от одного, то от другого. Она то становилась меньше, то больше, и, наконец, ей удалось стать такой, какой она была раньше — дома.

— Половина моего плана выполнена, я стала

такого роста, как мне и хотелось! — воскликнула она. — Теперь нужно найти волшебный сад. Но как же мне его отыскать?

Только она успела это сказать, как лес кончился, и Алиса вышла на поляну, на которой стоял маленький домик примерно с нее высотой.

«Кто бы ни жил в этом доме, — подумала Алиса, — я не могу войти в дом вот так запросто — я теперь такая большая, что все они с ума сойдут от страха!»

И, спрятавшись за дерево, Алиса начала откусывать понемногу от того кусочка гриба, который держала в правой руке, и продолжала делать это до тех пор, пока не стала достаточно маленькой.

# Глава шестая
# Поросенок и перец

Несколько минут Алиса смотрела на домик, раздумывая, что ей делать дальше, как вдруг из леса выбежал лакей и громко постучал в дверь домика. Алиса приняла его за лакея потому, что он был в ливрее. Если бы не ливрея, Алиса подумала бы, что это рыба.

Ему открыл другой лакей, тоже в ливрее, у него было круглое лицо и выпученные, как у лягушки, глаза. У обоих лакеев на головах были напудренные парики с буклями. Алисе любопытно было узнать, что будет дальше. Она выглянула из-за дерева и стала прислушиваться.

Лакей-Рыба извлек из-под мышки огромный конверт размером с него самого. Протянув его другому лакею, он торжественно проговорил:

— Герцогине от Королевы приглашение на крокет.

Лакей-Лягушка торжественно повторил его слова, немного изменив их порядок:

— От Королевы Герцогине приглашение на крокет.

Потом оба лакея поклонились друг другу так низко, что чуть не стукнулись головами.

Алисе все это показалось до того забавным, что она не могла удержаться от смеха и убежала подальше в лес, чтобы они не услышали, как она смеется. А когда Алиса вернулась, Лакей-Рыба уже ушел, а Лакей-Лягушка сидел на земле около двери и с самым глупым видом смотрел на небо.

Алиса робко подошла к двери и постучалась.

— Стучать совершенно бессмысленно, — сказал Лакей, — по двум причинам. Во-первых, мы оба находимся по одну сторону от двери; во-вторых, там внутри такой шум, что тебя все равно не услышат.

И в самом деле, из домика доносился ужасный шум. Оттуда неслись пронзительные крики, кто-то чихал, не переставая ни на минуту, а время от времени слышался треск и звон, как будто в доме били посуду.

— Скажите, пожалуйста, а как же мне войти? — спросила Алиса.

— Был бы смысл стучаться, — продолжал Лакей, не слушая ее, — если бы между нами была дверь. Так, например, если бы ты была внутри, то могла бы постучаться, и я отворил бы дверь и выпустил бы тебя.

Говоря это, он все время смотрел на небо, что показалось Алисе очень невежливым.

«Ему следовало бы смотреть на меня, раз он со мною говорит. Впрочем, — подумала она, — похоже, он не может не смотреть на небо, ведь у него глаза чуть ли не на макушке. Но отвечать на вопросы он, во всяком случае, может».

— Как же мне войти в дом? — повторила свой вопрос Алиса.

— Я, пожалуй, просижу здесь, — задумчиво проговорил Лакей, — до завтра.

Дверь в это время распахнулась, и из дома вылетела тарелка. Она задела Лакея по носу и разлетелась вдребезги, ударившись о дерево, росшее около домика.

— А может быть, и до послезавтра, — продолжал Лакей невозмутимо, словно ничего не случилось.

— Как же мне войти в дом? — повторила Алиса свой вопрос, повысив голос.

— Необходимо выяснить, нужно ли тебе вообще входить в этот дом, — сказал Лакей.

Лакей был совершенно прав, но Алисе не нравилось, когда с ней так нелюбезно говорили.

«Какие здесь все спорщики! — подумала она. — От одного этого можно с ума сойти».

Так как Алиса молчала, то Лакей поспешил воспользоваться удобным случаем и начал снова:

— Я буду сидеть здесь целыми днями.

— Но что же мне делать? — спросила Алиса.

— Делай, что хочешь, — ответил Лакей и, не обращая больше внимания на Алису, начал что-то насвистывать.

«Без толку говорить с ним, — с отчаянием подумала Алиса. — Он просто-напросто идиот».

И она, не постучавшись, распахнула дверь и вошла в большую, полную дыма кухню.

Герцогиня сидела посредине на трехногой табуретке и качала ребенка; Кухарка стояла, нагнувшись над плитой, и помешивала суп в большой кастрюле.

«Она положила в суп слишком много перцу», — подумала Алиса, беспрерывно чихая.

Перцу было слишком много и в супе, и в воздухе. Даже Герцогиня чихала, не переставая, а ребенок у нее на руках то чихал, то пронзительно вопил. Не чихали только Кухарка да большой кот, который сидел у плиты и улыбался во весь рот.

— Скажите, пожалуйста, — начала Алиса нерешительно, так как не знала, не поступает ли она невежливо, заговорив первая, — почему ваш кот улыбается?

— Это Чеширский Кот, ему лестно быть в нашем обществе, — ответила Герцогиня. — Вот почему он улыбается, поросенок!

Она произнесла последнее слово с такой яростью, что Алиса вздрогнула. Впрочем, она быстро поняла, что Герцогиня назвала поросенком не ее, а младенца.

— Я никогда не слышала, что Чеширские Коты улыбаются, — сказала Алиса, немного приободрившись. — Я даже не знала, что коты вообще могут улыбаться.

— Еще как могут! — ответила Герцогиня. — А многие не только могут, но и улыбаются.

— Это для меня новость, — оживилась Алиса, радуясь, что начался настоящий разговор.

— Я вижу, ты мало что знаешь, — заявила Герцогиня уверенно, — в этом все дело.

Алисе не понравился тон, каким Герцогиня сделала свое замечание, и ей захотелось сменить тему. А пока она пыталась придумать, что бы такое сказать, Кухарка сняла с огня кастрюлю и принялась швырять чем попало в Герцогиню и ребенка. Сначала полетели кочерга, совок и каминные щипцы, а потом настала очередь посуды — тарелок, блюд, соусников. Герцогиня не обращала на это ни малейшего внимания, даже

если что-нибудь попадало в нее; а ребенок и без того так вопил, что было трудно понять, плачет ли он от боли, когда в него попадают разные предметы, или орет безо всякой причины, не чувствуя боли.

— Что вы делаете? — воскликнула Алиса в ужасе. — Господи, это блюдо разобьет малютке носик!

Огромнейшее блюдо пролетело около лица ребенка и чуть не врезалось ему в нос.

— Если бы каждый занимался своим делом, — сердито проворчала Герцогиня, — то Земля завертелась бы гораздо быстрее, чем вертится теперь.



— Но что же в этом хорошего? — возразила Алиса, довольная случаем выказать свои познания. — Земля за двадцать четыре часа обращается вокруг своей оси. Только подумайте, сколько всего надо успеть сделать за это время! Открытие, которое сделали ученые…

— Топор! — закричала Герцогиня. — Отрубить ей голову!

Алиса с тревогой взглянула на Кухарку. Неужели она исполнит это приказание? Но Кухарка была занята супом и, по-видимому, не обратила никакого внимания на слова Герцогини. А потому Алиса решилась заговорить снова.

— За двадцать четыре часа, — повторила она, — кажется, так? Или за двенадцать?

— Хватит надоедать мне! — крикнула Герцогиня. — Я терпеть не могу цифр и вычислений!

И она принялась укачивать ребенка и напевать что-то вроде колыбельной песенки, сильно встряхивая его после каждой строчки:

*С мальчишкой строгой надо быть*
*И бить, когда чихает.*
*Покоя нету от него,*
*Он всех нас доконает.*

*Припев:*

*(поют Герцогиня, Кухарка и ребенок)*

*Уа! Уа! Уа! Уа!*

Перейдя ко второму куплету песенки, Герцогиня стала высоко подбрасывать младенца, и он заревел так отчаянно, что Алиса едва могла разобрать слова:

*Строга я с малым, коль криклив,*
*И бью, когда чихает.*
*Мы с перцем острым варим суп,*
*А он пусть привыкает.*

*Припев:*
*Уа! Уа! Уа! Уа!*

— Можешь понянчить его, если хочешь, — крикнула, кончив петь, Герцогиня и швырнула ребенка Алисе. — Мне пора идти играть в крокет с Королевой.

И она выбежала из кухни. Кухарка бросила ей вдогонку сковородку, но промахнулась.

Алиса успела поймать ребенка. Но удержать его на руках было непросто. Странный это был ребенок — он все время растопыривал в стороны руки и ноги.

«Прямо морская звезда», — подумала Алиса.

Ребенок пыхтел, как паровозик, он то сгибался чуть ли не вдвое, то вдруг выгибался и едва не вываливался у Алисы из рук. Она никак не могла взять его поудобнее.

Наконец ей это удалось. Для того чтобы он сидел смирно и не мог упасть, Алисе пришлось завязать малютку в узел и крепко держать его за правое ухо и за левую ногу, чтобы он не развязался. Тогда только Алиса решила вынести ребенка на воздух.

«Если я оставлю малыша здесь, — подумала она, — они, того и гляди, прибьют его…»

— Оставить его — это преступление!

Последние слова Алиса произнесла громко, и ребенок хрюкнул ей в ответ; теперь он уже не чихал.

— Не хрюкай, — сказала ему Алиса. — Это неприлично.

Ребенок снова хрюкнул, и она с тревогой взглянула на него, пытаясь понять, что с ним такое. У него было какое-то странное лицо; нос его был похож на пятачок поросенка, а глазки были совсем крохотные. Алисе его вид совершенно не понравился.

«Может быть, он не хрюкал, а хныкал», — подумала Алиса и снова взглянула на него, чтобы

узнать, мокрые ли у него глаза.

Нет, никаких слез на глазах не было.

— Если ты собираешься превратиться в поросенка, мой милый, — сказала Алиса, — то я не стану возиться с тобой. Понимаешь?

Ребенок снова захрюкал или захныкал — трудно было понять, что за звуки он издает, — и Алиса некоторое время продолжала идти молча.

«Что же мне делать с ним, когда я вернусь домой?» — думала она.



Вдруг ребенок снова захрюкал, да так громко, что Алиса с беспокойством вгляделась в него повнимательнее. И тут она увидела совершенно ясно, что никакой это не ребенок, а самый настоящий поросенок. С какой же стати ей таскать его!

Она опустила поросенка на землю, и он весело затрусил в лес.

— Он был такой несимпатичный, когда был ребенком, — сказала Алиса, — но из него вышел очень хорошенький поросеночек.

И она стала вспоминать своих знакомых детей, из которых тоже могли бы выйти хорошенькие поросята.

— Если бы я только знала, как превращать их… — вслух сказала она, как вдруг увидала Чеширского Кота, сидевшего на ветке. Кот улыбнулся, когда Алиса подошла к нему, и посмотрел на нее очень добродушно. Но Алиса понимала, что поскольку у него были длинные когти и много острых зубов, то с ним, конечно, следовало обращаться почтительно.

— Чеширская кисонька, — начала Алиса несколько нерешительно, так как не знала, понравится ли Коту такое обращение. Но тот продолжал улыбаться, и Алиса, успокоившись, продолжала: — Не знаете ли вы, как мне выйти

отсюда?

— Это зависит от того, куда ты хочешь прийти, — ответил Кот.

— Мне все равно, куда бы ни... — начала Алиса.

— Значит, тебе все равно, в какую сторону идти, — перебил ее Кот.

— Куда бы ни выйти, лишь бы куда-нибудь прийти, — договорила Алиса.

— Ну уж куда-нибудь ты наверняка придешь, — сказал Кот, — если походишь подольше.

Возразить на это было нечего. Алиса поняла, что нужно было спрашивать как-то по-другому.

— А кто живет тут поблизости? — спросила она.

— В этой стороне, — ответил Кот, взмахнув правой лапкой, — живет Шляпник, а в этой, — он поднял левую лапу, — живет Мартовский Заяц. Можешь заглянуть к ним, если хочешь. Они оба сумасшедшие.

— Но я не хочу идти к сумасшедшим, — сказала Алиса.

— Тут уж ничего не поделаешь, — сказал Кот. — Мы все здесь сумасшедшие. Я сумасшедший, да и ты сама тоже.

— Почему вы думаете, что я сумасшедшая? —

спросила Алиса.

— Потому что иначе ты не пришла бы сюда.

По мнению Алисы, это было неубедительное доказательство, но она не стала возражать.

— А откуда вы знаете, что вы сумасшедший?

— Вот скажи мне, собака — существо нормальное, так? — спросил Кот.

— Да, по-моему, собака — существо нормальное, — согласилась Алиса.

— Хорошо, — сказал Кот. — Известно, что собака ворчит, когда сердится, и машет хвостом, если довольна. А я ворчу, когда доволен, и виляю хвостом, когда злюсь. Значит, я ненормальный, то есть сумасшедший.

— Вы мурлычете, а не ворчите, — сказала Алиса.

— Можешь называть как угодно… Ты будешь сегодня играть в крокет с Королевой?

— Мне очень хотелось бы, — ответила Алиса, — но меня не приглашали.

— Я скоро вернусь, — вдруг сказал Кот и мгновенно исчез.

Алиса этому не особенно удивилась: она уж привыкла ко всяким чудесам.

Пока она смотрела на то место, где только что сидел Кот, тот вдруг снова появился.

— А, кстати, что стало с ребенком? — спросил он. — Я забыл спросить тебя об этом.

— Он превратился в поросенка, — ответила Алиса, как будто в этом не было ничего особенного.

— Я так и знал, — сказал Кот и снова исчез.

Алиса подождала немного, думая, что Кот вот-вот появится, но его все не было, и она пошла в ту сторону, где, по словам Кота, жил Мартовский Заяц.

«Шляпников я видела и раньше, — рассуждала она, — и мне гораздо интереснее посмотреть на сумасшедшего Зайца. Так как сейчас май, то он, может быть, не будет таким безумным, как в марте».

Алиса подняла глаза и увидела, что Кот снова сидит на дереве.

— Как ты сказала? — спросил Кот. — В поросенка или в слоненка?

— Я сказала «в поросенка», — ответила Алиса. — Как это неудобно, что вы так неожиданно появляетесь и исчезаете! От этого прямо голова идет кругом.

— Неужели? — сказал Кот и на этот раз стал исчезать очень медленно, начиная с кончика хвоста и кончая улыбкой, которая оставалась

еще какое-то время после того, как сам Кот уже исчез.

«Котов, которые не улыбались, я видела часто, — подумала Алиса. — Но улыбка без кота! Это самое невероятное из всего, что я видела здесь».

Взглянув еще раз на дерево, где только что сидел Кот, она отправилась в путь. Вскоре Алиса увидела дом Мартовского Зайца. Трубы торчали на нем, как заячьи уши, крыша была покрыта мехом. Дом был такой большой, что Алиса, прежде чем подойти к нему, откусила немножко от кусочка гриба, бывшего у нее в левой руке, и стала выше ростом. Но и после этого она приблизилась к дому с некоторой робостью. «А вдруг Заяц начнет беситься и буйствовать! — с опаской думала она. — Уж лучше бы мне было пойти к Шляпнику».

# Глава седьмая
# Безумное чаепитие, Шляпник, Мартовский Заяц и Сурок

Перед домом под деревом стоял стол, накрытый для чая. Мартовский Заяц и Шляпник сидели за столом и пили чай. Сурок прикорнул между ними и, похоже, заснул, а его приятели воспользовались им как подушкой, и облокачивались на него, разговаривая между собою.

«Как, должно быть, неудобно этому бедному Сурку, — подумала Алиса. — Хорошо, что он крепко спит и ничего не замечает».

Стол был большой, но Мартовский Заяц, Шляпник и Сурок теснились все с одного края.

— Места нет! Места нет! — закричали в один голос Заяц и Шляпник, заметив Алису.

— Места предостаточно, — возмутилась Алиса и села в кресло, стоявшее с другого края стола.

— Хочешь печенья? — любезно спросил Мартовский Заяц.

Алиса взглянула на стол, на нем не было ничего, кроме чая.

— Я не вижу здесь никакого печенья, — заме-

тила она.

— А его и нет, — сказал Мартовский Заяц.

— В таком случае очень невежливо, с вашей стороны, предлагать его, — с досадой проговорила Алиса.

— А с твоей стороны, очень невежливо садиться за стол без приглашения, — ответил Мартовский Заяц.

— Я не знала, что это ваш стол, — возразила Алиса. — Он очень большой, и я подумала, что он накрыт не только для вас троих.

— Знаешь что? — сказал Шляпник. — Тебе надо бы подстричь волосы. Уж очень они у тебя длинные.

Он с большим любопытством рассматривал Алису, прежде чем заговорил.



— Очень невоспитанно делать замечания незнакомым людям, — строго сказала Алиса. — Неужели вы не знаете этого?

Шляпник с удивлением уставился на нее, а потом спросил:

— Чем ворон похож на письменный стол?

«Ну, теперь, кажется, будет повеселее! — подумала Алиса. — Здурово, что он решил загадывать загадки!»

— Что ж, попробую отгадать, — сказала она.

— Ты так думаешь? — спросил Мартовский Заяц.

— Да. То есть я думаю, что отгадаю, если попробую. Это ведь одно и то же.

— Совсем не одно и то же! — воскликнул Шляпник. — Разве одно и то же — сказать: «Я вижу все, что ем» или «Я ем все, что вижу»?

— Конечно, не одно и то же, — добавил Мартовский Заяц. — Разве все равно что сказать: «Мне нравится все, что я имею» или «Я имею все, что мне нравится»?

— Конечно, не одно и то же, — проговорил как будто во сне Сурок. — Разве все равно, если я скажу: «Я дышу, когда сплю» или «Я сплю, когда дышу»?

— Для тебя это как раз все равно, — сказал

Шляпник.

На этом разговор оборвался, и на несколько минут все замолчали. А Алиса попыталась сообразить, чем же ворон похож на письменный стол.

Шляпник первым прервал молчание.

— Какое у нас сегодня число? — спросил он, обратившись к Алисе. И, вынув из кармана часы, он озабоченно посмотрел на них, то и дело встряхивая и поднося к уху.

— Четвертое, — ответила Алиса.

— Врут, отстали на два дня, — со вздохом сказал Шляпник. — Я говорил тебе, что сливочное масло не годится для часов! — с досадой прибавил он, обернувшись к Зайцу.

— Это превосходное масло! — возразил Мартовский Заяц.



— Но в него могли попасть крошки, — проворчал Шляпник. — Не следовало брать масло хлебным ножом.

Мартовский Заяц взял часы, с грустью посмотрел на них и опустил в свою чашку.

— Масло было превосходное, — повторил он, вынув часы из чашки.

Алиса, заглядывая ему через плечо, с любопытством рассматривала их.

— Какие странные часы! — сказала она. — Они показывают число, а часов не показывают.

— А разве надо? — пробормотал Шляпник. — Разве твои часы показывают, какой теперь год?

— Конечно, нет, — ответила Алиса, — да и незачем: тогда весь год они бы показывали одно и то же.

— Вот то же самое с моими часами, — сказал Шляпник.

Алису очень удивили его слова, так как в них не было никакого смысла, хоть и сказаны-то они были на ее родном языке.

— Я не совсем понимаю вас, — сказала она как можно вежливее.

— А Сурок опять заснул! — воскликнул, ничего не ответив Алисе, Шляпник и плеснул горячим чаем на нос Сурку.

Тот недовольно мотнул головой и проговорил, не открывая глаз:

— Конечно, конечно: я именно это и хотел сказать.

— Ну что, отгадала ты загадку? — повернулся к Алисе Шляпник.

— Нет, сдаюсь, — ответила Алиса. — А какая разгадка?

— Не имею ни малейшего понятия, — сказал

Шляпник.

— И я не знаю, — признался Мартовский Заяц.

Алиса вздохнула.

— Какой смысл, — заметила она, — загадывать загадку, у которой нет отгадки? Только даром время терять.

— Если бы ты знала Время, как знаю его я, — воскликнул Шляпник, — то не говорила бы так. Ты вообще когда-нибудь разговаривала с ним?

— Конечно, нет, — ответила Алиса. — Я даже не понимаю, что вы имеете в виду.

— Ну, еще бы тебе понять! Так знай же, что если бы ты была в хороших отношениях со Временем, то оно делало бы для тебя все, что ты пожелаешь. Положим, пробило девять часов — начало уроков. Но стоит тебе только шепнуть Времени, что не хочешь учиться, и стрелки побежали бы быстрее. Раз — и половина второго — пора обедать!

— Вот бы это случилось сейчас! — пробормотал себе под нос Мартовский Заяц.

— Конечно, это было бы чудесно, — задумчиво проговорила Алиса, — но ведь тогда я и проголодаться не успею к обеду.

— Сначала — конечно. Но ведь стрелки могли бы стоять на половине второго сколько угодно.

— Значит, вы именно так и делаете? — спро-

сила Алиса.

— Теперь нет, — сокрушенно покачав головой, ответил Шляпник. — Я поссорился со Временем в марте, когда вот он, — тут Шляпник показал на Мартовского Зайца, — помешался. У Королевы был званый вечер, и я там пел:

*Чижик-пыжик, где ты был?*
*На лугу гусей Довил!*

— Вы, может быть, знаете эту песню?

— Что-то похожее слышала.

— Дальше, — продолжал Шляпник, — поется так:

*Гуся сцапал, сцапал двух,*
*Общипал перо и пух…*

Тут Сурок встрепенулся и пропел сквозь сон «Пух, пух, пух», без конца повторяя это слово, так что пришлось его ущипнуть, чтобы заставить умолкнуть.

— Ну, так вот, только я закончил первый куплет, как Королева крикнула: «Он отнимает у нас время! Отрубить ему голову!»

— Как несправедливо и жестоко! — воскликнула Алиса.

— С тех пор Время и обиделось на меня, —

мрачно проговорил Шляпник, — и больше не исполняет ни одной моей просьбы. У нас теперь всегда пять часов.

— Так вот почему у вас стол накрыт к чаю? — воскликнула Алиса.

— Именно поэтому, — со вздохом ответил Шляпник. — Ведь ты знаешь, что пять часов — время чая. Увы, мы даже не успеваем мыть посуду, у нас вечное чаепитие.

— Значит, вы так и пересаживаетесь от чашки к чашке? — спросила Алиса.

— Да, так мы и пересаживаемся от грязной чашки к чистой.

— А что случится, когда не останется ни одной чистой чашки?

— Давай-ка лучше сменим тему, — сказал, зевая, Мартовский Заяц. — Расскажи нам какую-нибудь историю, — обратился он к Алисе.

— Я не знаю никакой интересной истории, — ответила Алиса, смущенная этим неожиданным предложением.

— Тогда пусть рассказывает Сурок! — воскликнули в один голос Шляпник и Мартовский Заяц и начали щипать Сурка, стараясь его разбудить.

— Я не спал, — проговорил Сурок хриплым от сна голосом, открывая глаза. — Я слышал все, что

вы говорили, друзья мои!

— Расскажи нам что-нибудь, — попросил его Мартовский Заяц.

— Да, пожалуйста, расскажите, — поддержала Алиса Зайца.

— И поторапливайся, — прибавил Шляпник, — а то опять уснешь на полдороге.

— Давным-давно, в стародавние времена, — начал Сурок, — жили-были три маленькие сестрицы: Элси, Лесси и Тилли. А жили они на дне колодца…

— Что же они там ели? — спросила Алиса, которую всегда интересовала тема еды.

— Они ели… только одну патоку, — подумав, ответил Сурок.

— Но этого не может быть! — с сомнением сказала Алиса. — Они заболели бы от этого.

— Они и заболели, — подтвердил Сурок. — Они были очень-очень больны.

Алиса старалась представить себе, как это можно существовать на дне колодца, питаясь одной патокой. Все это показалось ей очень странным, и она продолжала расспросы:

— Скажите, а почему они жили на дне колодца?



— Не хочешь ли выпить еще чашечку чаю? —

спросил Алису Мартовский Заяц.

— А я вообще не пила чай, так что никак не могу выпить еще. — Но, чтобы выйти из затруднительного положения, она налила себе чай, намазала хлеб маслом и повторила: — А почему же они жили на дне колодца?

— Потому что он был паточный, — ответил, немного подумав, Сурок.

— Таких колодцев не бывает! — с досадой воскликнула Алиса.

— Тсс-тс! — зашипел Заяц, а Сурок обиженно проговорил:

— Если ты не умеешь вести себя в обществе, то сама и досказывай эту историю.

— Нет, пожалуйста, продолжайте, — начала упрашивать Сурка Алиса. — Я больше не буду вас перебивать.

— Эти три маленькие сестрицы, — продолжил свой рассказ Сурок, — учились… учились рисовать.

— Что же они рисовали? — спросила Алиса, забыв о своем обещании не перебивать Сурка.

— Патоку, — ответил Сурок, на этот раз ни на минуту не задумываясь.

— Мне нужна чистая чашка, — сказал Шляпник. — Давайте пересядем.

Он встал и вышел из-за стола, Сурок последовал за ним, Мартовский Заяц сел на его место, а Алиса очень неохотно заняла место Мартовского Зайца. От всех этих действий выиграл только Шляпник, сидевший теперь в кресле. А Алиса оказалась в худшем положении, потому что Мартовский Заяц пролил молоко на свое блюдце, которое теперь досталось Алисе.

— Я только не понимаю, — осторожно начала Алиса, не желая обидеть Сурка, — откуда они брали патоку?

— Ведь можно же брать воду из колодца, — ответил ей Шляпник. — Почему же нельзя брать из него патоку?

— Но ведь они жили в самом паточном колодце, на дне! — сказала Алиса, не слушая Шляпника и обращаясь к Сурку.

— Да, — ответил уверенно Сурок, — на дне.

Этот ответ поверг Алису в недоумение, и она какое-то время молча слушала рассказ сони Сурка, не перебивая его.

— Они учились рисовать, — продолжал между тем Сурок, зевая и протирая глаза, потому что ему ужасно хотелось спать. — И все они рисовали всякие разные предметы, которые начинаются с буквы «М»…

— Почему же с «М»? — спросила Алиса и с нетерпением стала ждать ответа.

— А почему бы нет? — сказал Мартовский Заяц.

Алиса замолчала и прикусила губу.

Между тем Сурок воспользовался паузой и, закрыв глаза, задремал. Шляпник сначала не заметил этого и ждал, что Сурок будет продолжать свой рассказ. Но тот крепко спал. Шляпник снова больно ущипнул его, чтобы разбудить. Сурок вскрикнул и, проснувшись, продолжил рассказ:

— …которые начинаются с буквы «М», как, например: мышь, мост, маяк, мыло, множество… Ты когда-нибудь видела, как рисуют множество?

— Если вы спрашиваете меня, — неуверенно проговорила Алиса, — то я не думаю…

— А если не думаешь, так молчи! — перебил ее Шляпник.

Его грубость окончательно вывела из себя Алису, и она, вскочив с места, пошла прочь. Сурок тотчас же снова заснул, а остальные не обратили никакого внимания на уход Алисы, которая несколько раз оглядывалась в надежде, что ее позовут. Когда она оглянулась в последний раз, Шляпник и Мартовский Заяц старательно запихивали Сурка в чайник.



— Никогда моей ноги здесь не будет! — повторяла Алиса обиженно, пробираясь по лесу. — Ничего глупее этого чаепития в жизни не видела…

Только она успела это сказать, как увидела дерево, в стволе которого была дверь.

«Как странно! — подумала Алиса. — Никогда не видела деревьев с дверями. Интересно, а что там за дверью?»

Она толкнула дверцу и очутилась в знакомом длинном зале со стеклянным столиком.

— Уж на этот раз я постараюсь ничего не забыть, — сказала Алиса, взяла со столика золотой ключик и отперла маленькую дверку. Потом она начала откусывать понемножку от кусочка гриба, который был спрятан у нее в кармане, пока не стала такого роста, что смогла войти в низенькую дверь. Наконец-то она оказалась в чудном саду с фонтанами и клумбами ярких цветов!

# Глава восьмая
# Крокет у Королевы

У самого входа в сад рос большой розовый куст. На нем распустились белые розы, но три садовника весьма странного вида — плоские и прямоугольные — торопливо перекрашивали их в красные. Удивленная Алиса подошла поближе.

— Будь осторожнее, Пятерка! — проворчал один садовник. — Ты брызгаешь на меня краской.

— Я не виноват, Двойка, — ответил Пятерка. — Семерка толкает меня под локоть.

— Ну ты и молодец! — поднял голову Семерка. — Всегда все валишь с больной головы на здоровую.



— А голову ты бы лучше не поминал! — воскликнул Пятерка. — Я слышал, как вчера Королева сказала, что тебе надо отрубить голову.

— А за что? — полюбопытствовал Двойка.

— Не твое это дело, — ответил Семерка.

— Нет, это его дело, — возразил Пятерка, — и я скажу ему. За то, что он принес повару луковицы тюльпанов вместо лука.

Семерка в сердцах бросил кисть.

— Ну знаешь, после такой несправедливости… — начал он, но сразу смолк, увидев Алису.

Двойка и Пятерка оглянулись, а потом все трое низко поклонились ей.

— Скажите, пожалуйста, — вежливо начала Алиса, — зачем вы перекрашиваете эти чудесные розы?

Пятерка и Семерка молча взглянули на Двойку.

— Видите ли, — еле слышно проговорил Двойка, — здесь надо было посадить куст красных роз, а мы по ошибке посадили белые. Если Королева узнает про это, она велит отрубить нам головы. Вот мы и спешим перекрасить их прежде, чем она…

— Королева! Королева! — воскликнул Пятерка, который все время с тревогой озирался по сторонам.

И садовники тотчас пали ниц. Послышался топот множества ног, и Алиса обернулась, сгорая от любопытства: ей очень хотелось увидеть Королеву.



Впереди вышагивали десять солдат с копьями. Солдаты были такие же плоские и прямоугольные, как садовники, руки и ноги росли у них по углам. За ними шествовали попарно десять придворных, богато разодетых и увешанных бриллиантами. Потом следовали королевские дети в костюмчиках, расшитых сердечками. Их тоже было десять. Они весело бежали, взявшись за руки и подпрыгивая. За ними проследовали гости, один важнее другого. Белый Кролик тоже был тут. Он торопливо и возбужденно что-то говорил, улыбался направо и налево и прошел мимо, не заметив Алису. Далее шел Червонный Валет с алой бархатной подушкой в руках, на которой лежала корона Короля. Замыкали эту блестящую процессию Король и Королева Червей.

Алиса не знала, нужно ли ей, следуя примеру садовников, пасть ниц.

«Нет, пожалуй, не нужно, — решила она. — Зачем тогда устраивать процессии, если все кругом падали бы ниц. Ведь тогда никто ничего бы и увидеть не смог».

И Алиса осталась стоять. Когда Король и Королева поравнялись с ней, все остановились, и Королева, повернувшись к Червонному Валету, строго спросила:

— Кто это?

Валет ничего не ответил, а только поклонился и улыбнулся.

— Глупец! — бросила Королева, сердито тряхнув головой.

— Как тебя зовут? — обратилась она к Алисе.

— Алиса, Ваше Величество, — почтительно ответила Алиса и подумала: «Да ведь это просто колода карт, нечего их бояться!»

— А это кто такие? — спросила Королева, указав на садовников, лежавших ничком под кустом роз. Они распластались на земле лицевой стороной, а так как спины у них были такие же, как и у всех других карт, то Королева не могла знать, солдаты ли перед ней или садовники, придворные или ее собственные дети.

— Откуда мне знать? — ответила Алиса, сама удивляясь своей смелости. — Это не мое дело.

Королева вспыхнула от гнева и, злобно взглянув на Алису, крикнула:

— Отрубить ей голову! Отру…

— Что за вздор! — громко сказала Алиса.

Королева примолкла.

— Опомнись, моя дорогая, — робко проговорил Король, коснувшись руки Королевы. — Ведь это ребенок!

Королева бросила на него гневный взгляд и приказала Валету:

— Перевернуть их!

Валет осторожно перевернул садовников ногой.

— Встать! — пронзительно крикнула Королева.

И садовники, вскочив, стали отвешивать низкие поклоны Королю, Королеве, королевским детям и всем вокруг.

— Хватит! — взвизгнула Королева. — У меня от ваших поклонов кружится голова! Что вы здесь делали? — показала она на розовый куст.

— Осмелюсь доложить Вашему Величеству, — пролепетал Двойка, опустившись на колени, — мы старались.

— Понятно! — воскликнула Королева, внимательно разглядывавшая розы, пока он говорил. — Отрубить им головы!

Вся процессия двинулась дальше, а три солдата остались, чтобы привести приговор в исполнение. Несчастные садовники бросились к Алисе, умоляя защитить их.

— Не бойтесь, никто вас не тронет! — сказала Алиса, с легкостью подняла всех троих и спрятала их в большой цветочный горшок, стоявший поблизости. Солдаты поискали осужденных, и не

найдя их, ушли.

— Ну что, отрубили им головы? — крикнула Королева солдатам.

— Отрубили, Ваше Величество! — дружно ответили солдаты.

— Отлично! — гаркнула Королева. — А в крокет вы умеете играть?

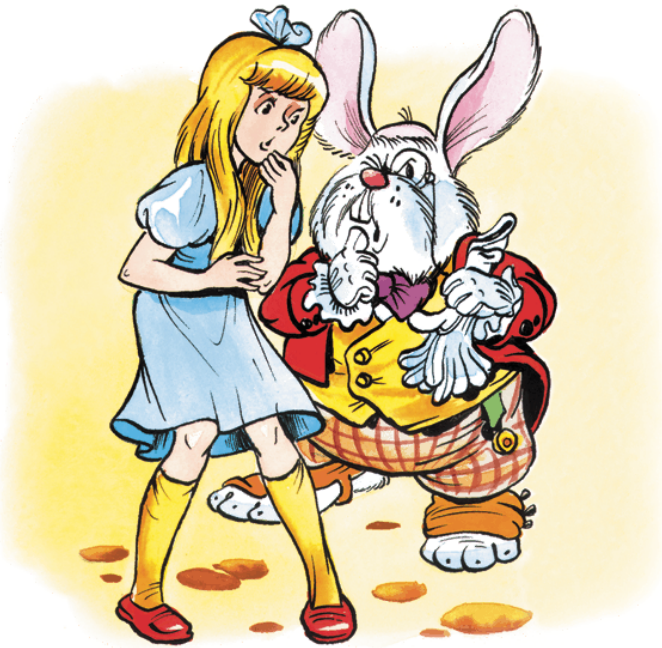
Так как солдаты не отвечали, уставившись на Алису, она поняла, что вопрос Королевы, очевидно, относился к ней.

— Умею! — так же громко ответила Алиса.

— Так пойдем с нами! — взвизгнула Королева, и Алиса присоединилась к процессии, пытаясь представить себе, что же будет дальше.

— Какой сегодня дивный день! — едва слышно проговорил кто-то за спиной Алисы.

Она оглянулась и увидела Белого Кролика, с тревогой смотревшего на нее.



— Вы правы, — ответила Алиса. — А где же Герцогиня?

— Тсс! — Кролик поднялся на цыпочки и шепнул Алисе на ухо: — Она приговорена к смерти!

— Вот оно что! — проговорила Алиса.

— А что? Вам ее жалко? — спросил Кролик испуганно.

— Ничуть! — ответила Алиса. — Совсем мне ее не жалко, я только хотела бы знать за что?

— Она врезала Королеве по уху… — начал Кролик.

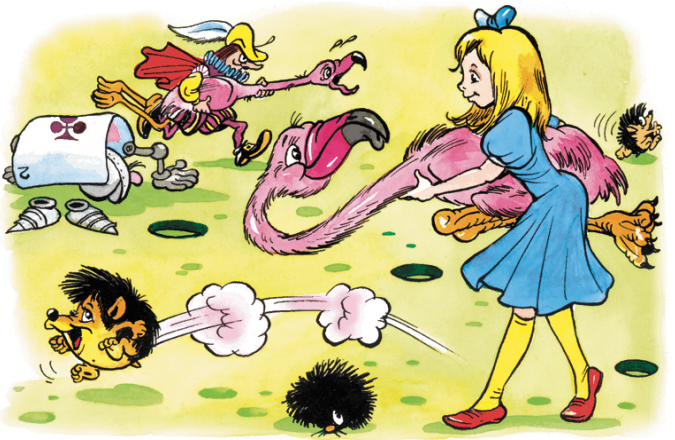
Алиса, услышав это, не могла удержаться от смеха.

— Тише! Тише! — умоляюще зашептал Кролик. — Королева услышит! Дело в том, что Герцогиня опоздала, и Королева сказала ей…

— По местам! — громовым голосом рявкнула Королева, и все бросились врассыпную, налетая друг на друга и падая.

Наконец неразбериха улеглась, все заняли свои места, и игра началась.

Никогда еще не доводилось Алисе видеть такую странную игру. Крокетная площадка была изрыта, как вспаханное поле, вместо шаров были живые ежи, вместо молоточков — птицы фламинго, а вместо ворот — солдаты, которые стояли, согнувшись вдвое и упираясь руками в землю.



Поначалу Алисе было трудно справляться с фламинго. Ей, наконец, удалось прижать его локтем, держа на весу. Но едва она выпрямляла ему шею, собираясь ударить его головой по ежу, фламинго оборачивался и с таким изумлением смотрел на нее, что Алиса не могла удержаться от смеха. А если ей удавалось пригнуть ему голову,

то почти каждый раз оказывалось, что еж уже развернулся и удирает прочь. Кроме того, в тех редких случаях, когда Алисе все же удавалось ударить по ежу и он начинал катиться, на дороге ему попадались бугры и колдобины, а изображавшие ворота солдаты то и дело поднимались и разбредались по площадке. «Так же просто невозможно играть!» — думала Алиса.

Никто не соблюдал правил, били все сразу, не дожидаясь своей очереди, и все время ссорились и дрались из-за ежей. А Королева в ярости чуть ли не каждую минуту топала ногами и кричала: «Отрубить ему голову! Голову ей долой!»

Алиса не на шутку забеспокоилась. Положим, пока все шло благополучно, но все же могло случиться, что в конце концов Королева велит отрубить голову и ей.

«Что же тогда мне делать? — в тревоге думала она. — Королева ужасно любит рубить головы. Удивительно, что еще столько их уцелело!»

Алиса начала уж подумывать о том, как бы сбежать отсюда, но боялась, что сделать это незаметно ей не удастся. Она осмотрелась по сторонам и вдруг заметила, что в воздухе происходит что-то странное. Алиса пригляделась получше и поняла, что это улыбка Чеширского Кота.

«Слава богу! — подумала она. — Теперь у меня будет с кем поговорить».

— Ну, как дела? — спросил Кот, когда его рот стал отчетливо виден.

Алиса подождала немного, пока не появились глаза, и тогда кивнула ему.

«Говорить пока не буду, — решила она, — подожду, когда покажутся его уши или, по крайней мере, хоть одно ухо».

Через минуту появилась вся голова, и Алиса, опустив на землю фламинго, стала рассказывать про игру в крокет, очень довольная, что есть кому ее слушать. Кот ограничился одной головой, не став показываться целиком, — он, должно быть, считал, что этого вполне достаточно для разговора.

— Здесь все играют неправильно, — пожаловалась Алиса, — и так ссорятся и кричат, что не услышишь собственного голоса. Никаких правил у них нет. И вы не можете себе представить, как неудобно играть живыми птицами и ежами. Несколько минут тому назад мой еж прошел в ворота и мне наверное, удалось бы крокировать ежа Королевы, но он, увидев, что мой еж катится к нему, преспокойно убежал!

— А как тебе понравилась Королева? — спро-

сил Кот.

— Совсем не понравилась, — ответила Алиса. — Она очень…

Тут Алиса заметила Королеву, которая подошла совсем близко и прислушивалась.

— …хорошо играет, — благоразумно продолжила Алиса, — так что нет никакой надежды выиграть.

Королева улыбнулась и двинулась дальше.

— С кем это ты разговариваешь? — спросил Король, подойдя к Алисе и с удивлением разглядывая голову Кота.

— Это мой друг, Чеширский Кот, — ответила Алиса. — Разрешите представить его Вашему Величеству.

— Мне он не нравится, — сказал Король. — Впрочем, он, пожалуй, может поцеловать мне руку.

— Нет, я уж лучше не поцелую, — сказал Кот.

— Не говори дерзостей, — воскликнул Король, — и не смотри на меня так!

Но сам на всякий случай спрятался за спину Алисы.



— И кошки могут смотреть на королей, Ваше Величество, — сказала Алиса, — я это прочитала в книжке, только не помню в какой.

— И тем не менее его надо убрать, — повелительным тоном сказал Король и крикнул проходившей мимо Королеве: — Дорогая! Я хочу, чтобы ты приказала убрать этого Кота.

У Королевы был только один способ устранять затруднения, и большие, и малые.

— Отрубить ему голову! — крикнула она, даже не обернувшись.

— Я сам приведу Палача! — воскликнул Король и поспешил прочь.

Через несколько минут с крокетного поля донеслись гневные крики Королевы. Алиса решила вернуться и продолжать игру, хотя ей очень не хотелось этого: Королева приговорила к смерти еще трех игроков за то, что они пропустили свои ходы. Алиса боялась, что, если так пойдет и дальше, Королева велит отрубить голову и ей. Игра велась без всякого порядка, и Алиса, подталкивая шар, не была уверена, ее ли это очередь или нет.

Однако делать было нечего, и она отправилась искать своего ежа. Оказалось, что он вступил в бой с другим ежом, что, по мнению Алисы, давало ей редкую возможность крокировать хоть одного

ежа. Единственное затруднение состояло в том, что ее фламинго отправился в дальний конец сада и пытался, хотя и безуспешно, взлететь на дерево.

Когда Алиса наконец поймала фламинго и отправилась за ежом, бой уже закончился, и обоих ежей нигде не было видно — они куда-то скрылись.

«Конец игре, — подумала Алиса, — вот и ворота все куда-то подевались».

Она взяла фламинго под мышку, чтобы он опять не убежал, и вернулась к своему другу, Чеширскому Коту: ей хотелось еще немножко поболтать с ним.

Но, приблизившись, Алиса с удивлением увидала окружившую его толпу. Король, Королева и Палач горячо спорили о чем-то и говорили все сразу. Остальные стояли молча и были сильно встревожены.

Как только появилась Алиса, все трое споривших бросились к ней, требуя рассудить, кто из них прав. Но так как они заговорили все сразу, перебивая друг друга, она с трудом поняла, из-за чего они спорили.

Палач, оказывается, утверждал, что нельзя отрубить голову, у которой нет туловища, следо-

вательно, казнь не может состояться.

Король доказывал, что всё, имеющее голову, может быть обезглавлено и что Палач говорит чушь. Королева же кричала, что если Кот не будет немедленно казнен, то казнены будут все присутствующие.



(Именно эти слова Королевы и повергли всех в волнение.)

— Мне кажется, следовало бы сначала переговорить с Герцогиней, — сказала Алиса. — Ведь это ее Кот.

— Герцогиня в тюрьме! Ведите ее сюда! — крикнула Королева Палачу, и он помчался со всех ног исполнять ее приказание.

Как только Палач убежал, голова Кота начала мало-помалу бледнеть, а когда он вернулся с Герцогиней, голова уже исчезла. Король и Палач метались во все стороны, разыскивая Кота, а все остальные вернулись к игре.

# Глава девятая
# История Чере-вроде-пахи

— Ты не можешь себе представить, как я рада, что снова увидела тебя, моя милочка! — воскликнула Герцогиня, схватив Алису за руку и увлекая ее в сторону.

Алиса порадовалась, что Герцогиня пребывает в хорошем расположении духа.

«Должно быть, раньше она была такая злая от перца, — подумала Алиса. — Если я когда-нибудь стану герцогиней, то вообще запрещу держать перец в доме. Суп прекрасно можно варить и без него. А то из-за этого перца люди, наверное, и бывают такие злые, — думала Алиса, довольная своим открытием. — От уксуса люди становятся едкими и кислыми, от ромашки — горькими до огорчения, а от… от сахара и других сладостей дети становятся милыми и добрыми… Если бы все понимали это, то не жалели бы сладостей для своих детей».



Рассуждая так, Алиса совсем забыла про Герцо-

гиню и вздрогнула, услышав ее голос над своим ухом.

— Ты, я вижу, о чем-то задумалась, моя милочка? — спросила Герцогиня. — Вот поэтому наш разговор и затух. И какой из этого можно сделать вывод? Я пока не знаю, но, подумав, я тебе скажу.

— А может быть, никакой, — предположила Алиса.

— Ты ошибаешься, милая! Нет ничего на свете, из чего нельзя было бы сделать вывод. Надо только знать, как взяться за дело.

С этими словами Герцогиня теснее прижалась к Алисе.

Алисе это совсем не понравилось, во-первых, потому, что Герцогиня была ей вообще несимпатична, а во-вторых, потому, что она была как раз такого роста, что ее подбородок прямо-таки врезался в Алисино плечо. А подбородок у Герцогини был очень острый. Однако, не желая быть грубой, Алиса молчала и терпела такое явное неудобство.

— Теперь игра пошла, кажется, лучше, — сказала она, чтобы поддержать разговор.

— Да, да, — согласилась Герцогиня. — Из этого можно сделать следующий вывод: миром

движет любовь. Именно она заставляет Землю вертеться!

— А я помню, как кто-то сказал, — многозначительно произнесла Алиса, — что если бы каждый занимался своим делом, никто не вмешивался в чужие дела, то Земля вертелась бы куда быстрее.

— Ну да! Но это, в сущности, одно и то же, — сказала Герцогиня, все больнее впиваясь в плечо Алисы своим острым подбородком. — Из этого мы делаем такой вывод: не слово ценится, а дело. Хорошенько запомни!

«Как же она любит поучать!» — подумала Алиса.

— Ты, милая, должно быть, удивляешься, почему это я не обнимаю тебя, — неожиданно сменила тему Герцогиня. — Дело в том, что я побаиваюсь твоего фламинго. Ведь он, пожалуй, и ущипнуть может, если рассердится. Или попробовать?




— Конечно, может, — подтвердила Алиса, которой совсем не хотелось, чтобы Герцогиня обнимала ее.

— Да, что поделаешь, — согласилась Герцогиня. — И фламинго, и горчица щиплются. Вот такие это опасные птички!

— Но горчица совсем не птица, — сказала Алиса.

— Верно, как всегда! — воскликнула Герцогиня. — Какая же ты умная!

— Горчица, по-моему, минерал? — спросила Алиса.

— Конечно, — подтвердила Герцогиня, готовая, по-видимому, соглашаться со всем, что бы ни сказала Алиса.

— Ах, нет, я вспомнила! — воскликнула Алиса. — Горчица — это растение, хотя по виду и не скажешь.

— Совершенно верно, — сказала Герцогиня. — Если хочешь, я подарю тебе понятное и все непонятное, сказанное мной сегодня.

«Ничего себе подарок, — подумала Алиса, — хорошо, что никто не делает таких подарков ко дню рождения». Но она не решилась высказать свои мысли вслух.

— Опять задумалась? — спросила Герцогиня, снова уткнув в Алису свой острый подбородок.

— Я имею полное право думать, — довольно резко сказала Алиса, которой страшно надоело такое обращение.

— Такое же право, как поросенок летать, — сказала Герцогиня, — а вывод из этого следует такой…

Но вдруг, к величайшему удивлению Алисы,

рука Герцогини, сжимавшая пальцы Алисы, задрожала.

Алиса подняла глаза и увидела Королеву, стоявшую в нескольких шагах от них; руки ее были скрещены на груди, брови грозно нахмурены.

— Какая сегодня прекрасная погода, Ваше Величество! — проговорила Герцогиня дрожащим голосом.

— Предупреждаю, — крикнула Королева, — или сию же минуту уноси отсюда свои ноги, или не сносить тебе своей головы! Выбирай!

Герцогиня выбрала — и в одно мгновение исчезла.

— Пошли играть, — сказала Королева Алисе, которая так испугалась, что не могла произнести ни слова и послушно последовала за Королевой.

Гости тем временем, воспользовавшись уходом Королевы, бросили игру и сели отдохнуть в тени. Но, увидев, что она возвращается, они поспешно вернулись на поле и возобновили игру. А Королева мимоходом заметила, что за самовольный отдых они могут поплатиться жизнью.



Во время игры Королева то и дело ссорилась с другими игроками и кричала: «Долой ему голову!» или «Долой ей голову!». Солдаты, изображавшие ворота, должны были брать под стражу осужденных, и потому число ворот стало быстро уменьшаться. Через полчаса их уже вообще не осталось, а все присутствующие, за исключением Короля, Королевы и Алисы, лежали на земле, приговоренные к смертной казни.

Наконец Королева, утомившись от собственных криков, решила передохнуть и спросила Алису:

— Ты видела когда-нибудь существо, похожее на черепаху, но не совсем черепаху?

— Нет, никогда даже не слышала о таком, — ответила Алиса.

— Из нее делают суп почти как настоящий черепаховый, — продолжала Королева. — Пойдем, я тебя познакомлю. Она расскажет тебе свою историю.

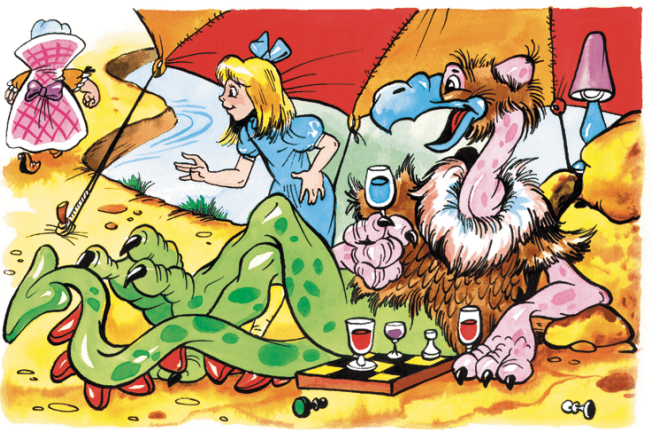
Следуя за Королевой, Алиса успела услышать, как Король тихо сказал арестованным, осторожно озираясь по сторонам:

— Вы все помилованы.

«Слава богу!» — с облегчением подумала Алиса.

Ей было очень жаль этих несчастных, приговоренных Королевой к смерти.

По дороге Королева и Алиса набрели на Грифона, крепко спавшего на солнышке. (Если вы не знаете, кто такой грифон, посмотрите на картинку.)



— Вставай, лентяй, — крикнула Королева, — и

отведи эту юную особу к Черевродепахе. Пусть она расскажет девочке свою историю. А у меня дела — надо проследить за казнями.

И она ушла, оставив Алису с Грифоном.

Сначала он показался Алисе очень страшным, но, хорошенько подумав, она решила, что, пожалуй, будет безопаснее остаться с ним, чем вернуться к свирепой Королеве.

Грифон сел и протер глаза. Потом он посмотрел вслед Королеве и усмехнулся.

— Потеха! — сказал он не то сам себе, не то Алисе.

— Про что это ты говоришь? — спросила Алиса.

— Про Королеву, — ответил Грифон. — Чуднбя она! Сколько народу приговаривает к казни, но никогда никого не казнит. Ну, идем!

— Все мне кругом говорят: иди туда, иди сюда, прямо раскомандовались! — ворчала Алиса, медленно шагая за Грифоном.

Они шли недолго и вскоре увидели Черевродепаху. Грустная и одинокая сидела она на выступе утеса. А когда они подошли ближе, Алиса услышала, что эта вроде-Черепаха вздыхает так тяжело, как будто у нее разрывается на части сердце. Алисе стало очень жаль ее.

— Какое у нее горе? — спросила она у Грифона.

— Никакого горя у нее нет, одно только воображение! — ответил тот. — Все это она выдумывает.

Когда они приблизились к Черевродепахе, она подняла на них большие, полные слез глаза, но не произнесла ни слова.

— Вот эта юная особа, — сказал Грифон, — хочет послушать твою историю.

— Хорошо, я поведаю ее, — ответила Черевродепаха глухим, низким голосом. — Садитесь оба и не говорите ни слова, пока я не закончу свою печальную повесть.

Они сели, и наступило продолжительное молчание.



«Не понимаю, как может она закончить свою историю, — думала Алиса, — если никак ее не начнет!»

Но она продолжала терпеливо ждать.

— Когда-то, — начала наконец Черевродепаха, глубоко вздохнув, — я была настоящей черепахой.

После этих слов снова наступило продолжительное молчание, прерываемое время от времени вздохами и всхлипами Черевродепахи.

Алисе не раз хотелось сказать: «Благодарю вас за ваш интересный рассказ» — и уйти, но она продолжала сидеть, в надежде услышать наконец продолжение истории.

— Когда мы были маленькие, — начала после долгого молчания Черевродепаха, — мы ходили в школу в море. Учитель наш был очень старый. Мы называли его Сухопутной Черепахой.

— Почему, ведь он преподавал в морской школе? — спросила Алиса.

— Мы называли его так потому, что он передвигался по суше очень медленно, — недовольно пояснила Черевродепаха. — Какая ты бестолковая!

— Как ты можешь задавать такие вопросы! — пристыдил Алису Грифон, а потом они оба долго

сидели молча и укоризненно смотрели на бедную Алису, которая готова была провалиться сквозь землю.

— Продолжай, старушка! — сказал наконец Грифон. — Не целый же день смотреть нам на тебя!

— Итак, мы ходили в школу, в море, — снова начала Черевродепаха, — хоть ты, я вижу, и не веришь этому.

Тут она искоса взглянула на Алису.

— Я не говорила, что не верю, — возразила Алиса.

— Нет, говорила, — сказала Черевродепаха.

— Придержи свой язычок! — прибавил Грифон, прежде чем Алиса успела вымолвить слово.

— Мы получили прекрасное образование, — продолжала вроде-Черепаха, — и ходили в школу каждый день…

— Я тоже ходила в школу каждый день, — сказала Алиса, — не понимаю, чем тут гордиться.

— А были у вас необязательные предметы? — с беспокойством спросила Черевродепаха.

— Да, были, — ответила Алиса. — Французский язык и музыка.

— А стирка?

— Нет, стирки не было, — ответила Алиса.

— Ну, значит, твоя школа была хуже, — сказала, облегченно вздохнув, Черевродепаха. — А мы учили французский язык, музыку и стирку.

— А сколько часов в день вы учились? — спросила Алиса.

— В первый день — десять, во второй — девять и так далее.

— Как странно! — сказала Алиса. — Значит, на одиннадцатый день у вас был праздник?

— Конечно, — подтвердила Черевродепаха.

— А что же было в двенадцатый?

— Хватит говорить об уроках, — сказал Грифон. — Расскажи ей лучше про игры.

# Глава десятая
# Кадриль омаров

Черевродепаха глубоко вздохнула, смахнула слезу перепончатой лапой, взглянула на Алису, разинула рот, но не могла произнести ни слова — ее душили рыдания.

— Ей, кажется, кость попала в горло, — сказал Грифон и стал трясти Черевродепаху и колотить ее по спине.

Наконец она успокоилась и начала рассказывать, хотя слезы по-прежнему текли у нее из глаз.

— Ты, должно быть, редко бывала на дне морском? — спросила она у Алисы.

— Никогда не была, — честно ответила Алиса.

— А может, ты и с Омарами не знакома?

— Нет, почему же! Я однажды ела омара… — начала было Алиса, но вовремя спохватилась и проговорила: — Очень жаль, но нет.

— Значит, ты не имеешь понятия о том, что это за прелесть — Кадриль Омаров!

— Действительно, не имею, — сказала Алиса. — Как же ее танцуют?

— Сначала, — сказал Грифон, — все становятся в ряд на морском берегу…

— Становятся в два ряда, — уточнила Черевродепаха, — Тюлени, Лососи, Черепахи, ну и все остальные, затем, когда очистят берег от медуз, морских звезд и им подобных…

— На что уходит довольно много времени, — добавил Грифон.

— Затем встают парами, — взволнованно продолжила Черевродепаха.

— Омары за кавалеров! — крикнул Грифон.

— Разумеется, — сказала Черевродепаха. — Два шага вперед с кавалерами, подходят к своим визави…

— Меняются кавалерами и возвращаются назад, — добавил Грифон.

— Потом бросают… — с жаром подхватила Черевродепаха.



— ...Омаров! — воскликнул Грифон, высоко подпрыгнув.

— Как можно дальше в море!

— Плывут за ними! — пронзительно прокричал Грифон.

— Делают кувырок в воде! — еще громче крикнула Черевродепаха, подпрыгнув и перевернувшись в воздухе.

— Снова меняются кавалерами, то есть Омарами! — заревел Грифон.

— И возвращаются на берег — это первая фигура, — сказала Черевродепаха, и голос ее вдруг сник.

Оба они, и Грифон, и Черевродепаха, все время прыгавшие, как безумные, стали грустны и уселись рядом, молча глядя на Алису.

— Это, должно быть, замечательный танец, — помолчав, неуверенно проговорила Алиса.

— А хотелось бы тебе самой его увидеть? — спросила Черевродепаха.

— Да, пожалуй, — вежливо ответила Алиса.

— Покажем ей первую фигуру, — сказала Черевродепаха Грифону. — Обойдемся пока без Омаров. А кто будет петь?

— Пой ты, — сказал Грифон, — я забыл слова.

Они начали танцевать вокруг Алисы, то и дело наступая ей на ноги, выбивая такт передними лапами, а Черевродепаха запела медленно и грустно:



*Несется рыбка удалая,*
*Мерлан, резвясь на глубине.*
*За ним Улитка, спотыкаясь,*
*Ракушку тащит на спине.*
*– Оставь, Улитка, свои страхи,*
*Не то Треска обгонит нас.*
*Омары ждут и Черепахи,*
*Чтоб вместе всем пуститься в пляс.*
*Скажи, ты хочешь иль не хочешь,*
*Не хочешь ли пуститься в пляс?*

*Скажи, ты хочешь иль не хочешь,*
*Не хочешь ли пуститься в пляс?*
*Не можешь ты себе представить,*
*Как будет весело, когда*
*Мы станем дружно море славить,*
*Кружить, нырять туда-сюда!*

*Улитка с грустью отвечала:*
*– Нет, не добраться мне до вас,*
*Меня волна бы укачала,*
*Я не могу пуститься в пляс.*
*Я не могу и не умею,*

*Я не могу пуститься в пляс!*
*Я не могу и не умею,*
*Я не могу пуститься в пляс!*

*– Ты будь смелей, моя подружка, —*
*Волна морская нас манит,*
*Давай прибавим скорость дружно,*
*Пусть чайка над волной парит.*
*На суше ты оставь все страхи*

*И выставь рожки напоказ.*
*Нас ждут Омары, Черепахи,*
*Чтоб вместе всем пуститься в пляс.*
*Скажи, ты хочешь иль не хочешь,*
*Не хочешь ли пуститься в пляс?*
*Скажи, ты хочешь иль не хочешь,*
*Не хочешь ли пуститься в пляс?*

— Благодарю вас, это замечательный танец, — сказала Алиса, обрадованная больше всего тем, что он наконец закончился. — Особенно мне понравилась песенка про Мерлана.

— Мерланов тебе, конечно, случалось видеть? — спросила Черевродепаха.

— Да, я видела их во время обе… — ответила

Алиса. Она чуть было не сказала: на столе во время обеда, но благоразумно успела умолкнуть.

— Итак, ты их видела, — продолжала Черевродепаха, — и отлично знаешь, как они выглядят.

— Пожалуй, — задумчиво сказала Алиса, — Мерланы, по-моему, держат хвост во рту и обсыпаны сухариками.

— Ты заблуждаешься, — сказала Черевродепаха, — сухариков на них нет. Ведь сухарики были бы смыты морской водой, а вот хвосты во рту они действительно держат и потому... — Черевродепаха вдруг широко зевнула и прикрыла глаза. — Расскажи же ей, почему они это делают, расскажи подробно обо всем, — сказала она Грифону.

— Они держат хвост во рту, — пояснил Грифон, — чтобы танцевать Кадриль с Омарами. Вот бросили их в море, а они описали дугу в воздухе, зажав крепко-накрепко хвост во рту, и упали в воду дальше всех. С тех пор так и повелось. Вот и все! И хватит! — сказал Грифон решительно. — А теперь ты расскажи нам о своих приключениях.

— Я могу рассказать только о тех приключениях, какие были сегодня, — сказала Алиса. — Про то, что было вчера, рассказывать нечего, потому что вчера я была совсем другая.

— Объясни, — сказала Черевродепаха.

— Нет, нет, сначала приключения! — нетерпеливо воскликнул Грифон. — На эти объяснения уйдет много времени.

И Алиса начала рассказывать обо всем, что случалось с ней с той минуты, как она в первый раз увидела Белого Кролика. Черевродепаха и Грифон уселись так близко от нее и так широко открывали глаза и рты, что сначала Алисе даже было немного страшно, но потом она приободрилась и перестала бояться. Слушатели с интересом внимали ей, пока она не дошла до того места в рассказе, где читала стихи Червяку. Но на этот раз все слова у нее перепутались.

— Как, однако, странно это звучит! — воскликнул Грифон, когда Алиса закончила.

— Весьма! — подтвердила Черевродепаха и глубоко вздохнула. — Все вышло решительно по-другому! А мне так хочется послушать стихи! Попроси ее прочесть что-нибудь еще. — И она умоляюще взглянула на Грифона, как будто нисколько не сомневалась, что уж ему-то Алиса не откажет.

— Встань и прочитай нам наизусть что-нибудь про Омаров, — потребовал Грифон.

«Как они тут любят командовать! Прочитай

стихи, расскажи о приключениях!.. В школе и то было лучше», — подумала Алиса.

Но все-таки она встала и начала читать наизусть, но в голове у нее все еще звучала Кадриль Омаров, все слова перепутывались, и стихи выходили какие-то странные:

*Пошел прогуляться однажды Омар,*
*На зависть всем прочим омарам*
*Костюм самый лучший из шкафа достал,*
*И туфли начистил он с жаром.*
*Клещами все пуговки он застегнул*
*И в зеркало с гордой улыбкой взглянул.*
*Шаги он направил на берег морской,*
*По моде последней одетый,*
*Туда, где у моря песок золотой*
*Лежал, солнцем жарким нагретый.*
*– Далеко умчалась морская волна:*
*Теперь мне Акула – и та не страшна!*
*Пусть смотрят все рыбы! —*
*Он лег на песок,*
*Усами надменно поводит*
*И пучит глаза.*

*Но прилив недалек,*
*Кто плавать не любит – уходит.*
*Шумя, на песок набегает волна.*
*Одна голова от Омара видна.*
*Совсем наш нарядный Омар ошалел*
*От водного пенного гула,*
*В волнах заметался и вдруг проглядел,*
*Как сзади подкралась Акула.*
*– Ты сам говорил: я тебе не страшна,*
*—*
*И в миг проглотила Омара она.*

— Да, что-то не очень похоже на то, что мы учили в детстве, — сказал Грифон.

— И я ничего подобного не помню, — заметила Черепродепаха. — По-моему, это просто набор слов.

Алиса молчала. Закрыв в отчаянии лицо руками, она думала о том, вернется ли когда-нибудь ее прежняя жизнь, в которой все было так ясно и понятно.

— Стихи эти требуют объяснения, — раздался голос Черепродепахи.

— Нет, она объяснить их не сможет, — сказал Грифон, — продолжай! Мы ждем продолжения.

Что-нибудь еще знаешь?

Алиса не посмела возразить, хотя чувствовала, что все, что она ни прочитает, опять будет неправильно. Дрожащим голосом она начала:

*Выхожу один я на дорогу.*
*Сквозь забор мне виден старый сад.*
*Я невольно чувствую тревогу:*
*Кто же те, что на скамье сидят?*
*То пантера хищная с совою*
*Пирожок под сенью старых ив*
*Разделить должны между собою,*
*Но дележ не слишком справедлив:*
*Всё пантера съела без остатка,*
*Крошки нет… И вот она встает*
*И сове с улыбкой самой сладкой*
*Лишь пустое блюдо отдает.*
*И сова, от голода бледнея,*
*Стала пучить круглые глаза,*
*А над ними, шелестя сильнее,*
*Старых ив качалася листва…*

— Боже, какая чушь! Это еще хуже! — взвизгнула Черевродепаха.

— Не лучше ли чтение прекратить, — сказал Грифон, — и протанцевать вторую фигуру Кадрили Омаров или, может быть, тебе больше хочется, чтобы Черевродепаха спела еще одну песенку?

— Да, я бы с удовольствием послушала пение Черевродепахи! — сказала Алиса так пылко, что Грифон, похоже, обиделся.

— Ну, спой ей «Черепаховый суп», старушка, — сказал он.

Черевродепаха глубоко вздохнула и прерывающимся от рыданий голосом запела:

*Супчик горячий, приправленный зеленью,*
*К обеду готов он – одно объедение!*
*Как не отведать из супницы суп,*
*Ложку бери – налетай, кто неглуп.*
*Суп черепаховый нам на обед,*
*Лучше супа на свете нет.*
*Лучше нет, лучше нет*
*Такого супа на обед!*

— Припев повторяем! — воскликнул с воодушевлением Грифон.

Но только Черевродепаха начала повторять последние строки, как вдали послышался крик:

— Суд начался!

— Бежим! — крикнул Грифон и, схватив Алису за руку, бросился бежать, не став ждать окончания песни.

— Какой суд? — задыхаясь от бега, спросила Алиса.

— Бежим! Бежим! — только и твердил в ответ Грифон.

Они побежали еще быстрее, а ветер доносил до них печальные ахи и вздохи Черевродепахи и слова его песни:

*Лучше нет, лучше нет*
*Такого супа на обед…*

# Глава одиннадцатая
# Кто стащил пирожки?

Король и Королева сидели на троне в большом зале, вокруг них толпились подданные — полная колода карт и всевозможное зверье и птицы. Червонный Валет, закованный в цепи, стоял перед троном под конвоем двух солдат. Рядом с Королем стоял Белый Кролик с трубой в одной лапке и свитком в другой.

Посредине зала был накрыт стол, а на нем блюдо с пирожками. Пирожки выглядели так аппетитно, что Алиса почувствовала голод, едва взглянув на них.



«Поскорее бы закончился суд, — подумала она, — и тогда, наверное, нас всех угостят пирожками».

Но надеяться на это, похоже, не приходилось, и Алиса от нечего делать стала оглядываться по сторонам.

Она никогда не бывала в суде, но читала про

суды в книжках.

«Это судья, — догадалась она, взглянув на Короля, — потому что сейчас он в парике».

Судьей был действительно сам Король. На голове у него был большой парик, на который была надета корона. Королю в таком облачении было не очень-то удобно.

«Вот это скамья присяжных, — решила Алиса, — а эти двенадцать существ (а как еще их назвать — всех этих зверьков, зверей и пичуг?), должно быть, присяжные заседатели, которые решат, нужно ли наказывать подсудимого». И она вскинула голову, гордая тем, что в отличие от многих девочек ее лет знает так много про суд.

Двенадцать присяжных что-то усердно писали на грифельных досках.

— Что это они пишут? — шепотом спросила Алиса у Грифона. — Им же нечего записывать, ведь суд еще не начался.

— Они записывают свои имена, — шепнул Грифон. — Они боятся, что забудут их прежде, чем кончится разбирательство дела.

— Вот дураки! — громко и возмущенно сказала Алиса, но сейчас же закрыла рот, так как Белый Кролик зашикал, призывая к тишине, а Король надел очки и стал оглядывать присутствующих,

чтобы узнать, кто это осмелился заговорить.



Алиса видела, что все присяжные старательно пишут на своих грифельных досках «Вот дураки!», и даже заметила, что один из них не знает, как правильно пишется слово «дураки», и спросил у соседа.

«Представляю, что они понапишут!» — подумала Алиса.

У маленького Билла — ящерица Билл тоже был в числе присяжных — ужасно скрипел грифель. Алиса не могла вынести этого противного звука. Она подошла к Биллу, стала позади него и, воспользовавшись первым удобным случа-

ем, выхватила у него грифель. Она сделала это так быстро, что бедный маленький Билл не мог понять, куда девался его грифель. Не найдя его, Билл продолжил писать пальцем. Его нимало не смущало, что в этом не было никакого толка, потому что доска оставалась чистой.

— Герольд, прочитайте обвинение! — повелел наконец Король.

Белый Кролик приложил ко рту трубу, три раза протрубил и, развернув свиток, прочитал:

*Испекла пирожки Королева Червей*
*И оставила их на столе,*
*А Червонный Валет, хулиган и злодей,*
*Утащил пирожки все к себе.*

— Решайте немедленно, виновен он или нет? Выносите приговор! — приказал Король присяжным.

— Нет, нет, еще рано выносить приговор! — поспешил вмешаться Белый Кролик. — Сначала нужно допросить свидетелей.

— Вызовите первого свидетеля! — велел Король.

Кролик трижды протрубил в трубу и выкрикнул:

— Вызывается первый свидетель!

Первым свидетелем оказался Шляпник. Он явился, держа в одной руке чашку с чаем, в другой — бутерброд.



— Прошу прощения, Ваше Величество! — начал он. — Я захватил с собой еду, потому что еще не кончил пить чай, когда за мной прислали.

— Следовало кончить, — заметил Король. — А когда же вы начали?

Шляпник вопросительно посмотрел на Мартовского Зайца, который стоял чуть в стороне под ручку с Сурком.

— Кажется, четырнадцатого марта, — ответил Шляпник неуверенно.

— Нет, пятнадцатого, — возразил Мартовский Заяц.

— А по-моему, шестнадцатого, — сказал Сурок.

— Запишите это, — сказал Король присяжным, и те торопливо записали все три числа, сложили их и подсчитали сумму.

— Снимите вашу шляпу! — приказал Шляпнику Король.

— Она не моя, — ответил Шляпник.

— Значит, шляпа украдена! — воскликнул Король, обернувшись к присяжным, которые тотчас же записали это на своих досках.

— Я продаю все шляпы, какие делаю, — пояснил Шляпник, — а у меня самого своей-то и нет.

Тут Королева надела очки и стала так пристально разглядывать Шляпника, что тот побледнел и

беспокойно заерзал.

— Что вы знаете по этому делу? — спросил Король. — Да не вертитесь так, а не то я велю вас казнить тут же на месте!

Слова эти, по-видимому, еще больше взволновали свидетеля. Шляпник переступал с ноги на ногу, с тревогой поглядывал на Королеву и был до того смущен, что откусил кусок чашки вместо бутерброда.

В эту минуту Алиса вдруг почувствовала, что с ней происходит что-то странное. Сначала она не могла понять, в чем дело, но через несколько минут она догадалась, что начинает расти. Сначала она хотела встать и выйти из зала, но потом передумала и решила остаться в зале до тех пор, пока ее голова не упрется в потолок.

— Ты меня придавила, — сказал ей Сурок, сидевший рядом. — Я задыхаюсь!

— Это не моя вина, — кротко ответила Алиса, — я расту.

— Ты не смеешь расти здесь! — сказал Сурок.

— Не говори глупостей! — осмелела Алиса. — Ведь и ты растешь.

— Да, но я расту, — сказал Сурок, — постепенно и понемногу, а ты растешь не по правилам. — И, надувшись, он встал и пошел искать себе другое

место.

Королева все еще не спускала глаз со Шляпника. Вдруг она крикнула:

— Принести мне программу последнего концерта!

Услыхав это, несчастный Шляпник так затрясся, что с него свалились оба башмака.

— Говорите же, что вы знаете по этому делу, — с досадой повторил Король, — а не то я велю казнить вас! Все равно, будете вы трястись или нет — это ничего не изменит!

— Я бедный человек, Ваше Величество, — дрожащим голосом проговорил Шляпник, — я начал пить чай с неделю тому назад или около того… и ломтик хлеба стал такой тоненький… и потом засверкало…

— Что засверкало? — спросил Король.

— Это началось вместе с чаем, — ответил Шляпник. — Я… бедный человек, Ваше Величество… и вдруг как все засверкало… Только Мартовский Заяц и говорит…

— Я ничего не говорил, — торопливо прервал его Мартовский Заяц.

— Нет, говорил, — сказал Шляпник.

— Нет, не говорил! — твердил Мартовский Заяц.

— Ладно, оставим это, — не выдержал Король, — что же дальше?

— Тогда, значит, Сурок говорит, — сказал Шляпник, ища глазами Сурка и опасаясь, что Сурок тоже отречется от своих слов. Но Сурок не отрекся — он крепко спал.

— После всего этого, — продолжал Шляпник, — я, значит, отрезал кусок хлеба, намазал его маслом…

— А что же все-таки сказал Сурок? — запоздало поинтересовался один из присяжных.

— Сейчас я уже не могу припомнить, — ответил Шляпник.

— Но вы должны припомнить, — сказал сердито Король, стукнув кулаком по столу. — Иначе я велю вас казнить!

Несчастный Шляпник выронил чашку с чаем и бутерброд и рухнул на колени.

— Я бедный человек, Ваше Величество! — опять затянул он. — Я всего лишь шляпный мастер.

— Может, вы и шляпный мастер, но вот говорить совсем не мастер, — добавил Король.

Тут одна Морская Свинка громко захлопала, но ее сейчас же призвали к порядку.

(Надо вам объяснить, как это обычно происходит: Морскую Свинку позвали, а не призвали, к

большому мешку, засунули ее туда вниз головой, а сверху сели на мешок.)

«Как хорошо, что мне удалось это увидеть, — подумала Алиса. — Мне приходилось читать в газетах: «Была сделана попытка выразить недовольство, но полиция поспешила призвать недовольных к порядку». Теперь я хоть буду знать, что это значит».

— Стойте твердо на своих показаниях, если вы в них уверены, — продолжал Король.



— Как же, Ваше Величество, мне стоять на показаниях, — возразил Шляпник, — ведь я уже стою на полу!

Тут захлопала другая Морская Свинка, и тоже была «призвана к порядку» уже известным способом.

«С Морскими Свинками покончено, — подумала Алиса, — может, дело теперь пойдет живее».

— Могу я теперь уйти и выпить, наконец, чаю? — спросил Шляпник, обеспокоенно поглядывая на Королеву, которая все еще читала программку.

— Можете идти, — сказал Король, и Шляпник так стремительно бросился из зала, что даже не успел надеть башмаки.

— Казнить его! — крикнула Королева ему вслед, но Шляпник уже исчез, так что исполнить ее приказание было невозможно.

— Вызовите второго свидетеля! — приказал Король.

Следующим свидетелем, вернее, свидетельницей оказалась Кухарка Герцогини. Она держала в руках банку с перцем. Алиса тотчас же догадалась, что в банке перец, потому что, как только Кухарка вошла, все сидевшие около двери принялись чихать.

— Что вы можете сказать по этому делу? — спросил Король.

— Не стану отвечать, — выпалила Кухарка.

Король с беспокойством взглянул на Белого Кролика, который поспешил шепнуть ему на ухо:

— Вы должны заставить свидетельницу сказать, Ваше Величество, все, что она знает.

— Должен так должен, — грустно проговорил Король. Он скрестил руки и, нахмурившись так, что глаза его превратились в крошечные щелочки, устремил взгляд на Кухарку и спросил глухим низким голосом: — Из чего делают сладкие пирожки?

— Главным образом из перца, — не замедлила ответить Кухарка.

— Из патоки, — проговорил сзади нее сонный голос.

— Схватите поскорее за шиворот этого Сурка! — пронзительно закричала Королева. — Тащите его отсюда! Что это он все время вмешивается! Уберите его! Отрубите ему усы!

Поднялась страшная суматоха. Несчастного Сурка теребили и тащили в разные стороны, а когда его наконец вытолкали и все уселись на свои места, оказалось, что Кухарка исчезла.

— Не беда! — весело сказал Король, которого это, по-видимому, очень обрадовало. — Вызвать следующего свидетеля! — И, нагнувшись к Королеве, он тихо прибавил: — Ты, дорогая, допроси следующего свидетеля; у меня от всего этого голова разболелась!

Белый Кролик стал перебирать свои бумажки, отыскивая список.

«Интересно, кого он вызовет теперь? — думала Алиса. — От первых двух свидетелей толку не было».

Представьте же себе ее изумление, когда Белый Кролик закричал пронзительным голосом:

— Алиса!

# Глава двенадцатая
# Показания Алисы

— Здесь! — крикнула Алиса, и, совсем забыв, какой большой она стала с тех пор, как пришла сюда, она торопливо вскочила с места, причем задела за скамью присяжных. Скамья опрокинулась, и присяжные упали на головы сидящей внизу публике.

Неделю тому назад Алиса нечаянно опрокинула аквариум с золотыми рыбками, и сейчас барахтавшиеся на полу присяжные напомнили ей этих бедных рыбок.

— Извините, пожалуйста! — с испугом воскликнула она и бросилась поднимать присяжных. Ей казалось, что как умирают рыбки, если их долго не опустить в воду, так погибнут и присяжные, если она не посадит их как можно скорее на скамью.

— Допрос свидетелей, — сказал Король, — не может начаться до тех пор, пока присяжные должным образом не займут свои места, все до единого, — с ударением произнес он, строго глядя на Алису.

Она посмотрела на скамью присяжных. Оказалось, что второпях она поставила бедного маленького Билла-ящерицу головой вниз. Он никак не мог перевернуться и уныло помахивал хвостиком. Алиса схватила его и поскорее перевернула.

Когда присяжные опомнились после своего падения и им вернули доски и грифели, они принялись усердно описывать только что случившееся с ними неприятное происшествие. Один лишь Билл все еще никак не мог прийти в себя и, разинув рот, неподвижно сидел, глядя в потолок.

— Что вы знаете по этому делу? — спросил Король.

— Ничего, — ответила Алиса.

— Решительно ничего? — настаивал Король.

— Решительно ничего.

— Это очень важно, — сказал он, обратившись к присяжным.

Они уже было начали записывать его слова на своих досках, когда вмешался Белый Кролик.

— Вы, должно быть, хотели сказать, что это неважно, Ваше Величество? — проговорил он почтительно, сделав при этом многозначительную гримасу.

— Да, конечно, я хотел сказать «неважно», — торопливо поправился Король и несколько раз повторил вполголоса: — Важно, неважно, важно, неважно, — как будто пытался решить, какое слово звучит лучше.

Некоторые присяжные написали «важно», а

другие «неважно». Алиса видела это, так как стояла близко от них. «Но разве важно, что они напишут? Совершенно неважно!» — подумала она.

Вдруг Король, торопливо писавший что-то в своей записной книжке, крикнул:

— Внимание! Тишина! — И в наступившей тишине он прочитал из своей тетради: — Правило номер Сорок Два: «Те, чей рост превышает километр, удаляются из заседания суда».

Все присутствующие обратили свои взоры к Алисе.

— Во мне и километра-то нет, — сказала она уверенно.

— Нет, есть, — возразил Король.

— В тебе даже два километра, — вставила Королева.

— Как хотите, но я с места не двинусь! — сказала Алиса. — Да и ваше правило ненастоящее — вы сами его только что придумали!

— Как ты смеешь так говорить?! Это самое древнее правило в этой книге, — воскликнул Король.

— В таком случае оно должно быть Правилом номер Один, — сказала Алиса.

Король побледнел и поспешил захлопнуть свою книгу.

— Удаляйтесь и совещайтесь! — дрогнувшим голосом обратился он к присяжным.



— Нет, постойте! Ваше Величество, обнаружились новые обстоятельства… — воскликнул, вскочив с места, Белый Кролик. — Нашли одну бумагу.

— Что за бумага? — спросила Королева.

— Я еще не разворачивал ее, — ответил Белый Кролик. — Это, по-видимому, письмо, которое написал кому-то подсудимый.

— Ясное дело, что кому-то, — заметил Король. — Если бы он написал его никому, это было бы очень странно.

— Кому же адресовано письмо? — спросил один из присяжных.

— Оно без адреса, — ответил Белый Кролик и, развернув бумагу, прибавил: — Да это вовсе не письмо: это стихи.

— А почерк подсудимого? — спросил другой присяжный.

— Нет, не его, — ответил Белый Кролик, и все присяжные с удивлением переглянулись.

— Стало быть, он подделал чей-то почерк, — задумчиво сказал Король.

Присяжные просияли и дружно вздохнули облегченно.

— Я не писал этих стихов, Ваше Величество, — сказал Червонный Валет, — и никто не докажет

обратное. Ведь моей подписи там нет?

— То, что вашей подписи нет, — сказал Король, — как раз доказывает вашу вину. Если бы вы не задумали чего-нибудь дурного, то, конечно, подписались бы своим именем.

Все дружно захлопали, что объяснимо — ведь это были первые умные слова, сказанные Королем за весь день.

— Да, это, без сомнения, доказывает вину подсудимого, — сказала Королева, — а потому его следует казнить…

— Это решительно ничего не доказывает, — отважно возразила Алиса. — И вы даже не знаете, что это вообще за стихи.

— Огласите их, — сказал Король.

Белый Кролик надел очки.

— Откуда мне начать, Ваше Величество? — спросил он.

— Начните с начала, — важно проговорил Король, — и прочитайте до конца.

Среди мертвой тишины Белый Кролик прочитал следующее стихотворение:

*От слов ее бросает в дрожь,*
*И я пред ней немею:*
*Она нашла, что я хорош,*

*Хоть плавать не умею.*

*Она послала мне сказать:*
*– Пощады мы не просим! —*
*Он дал им три, она им – пять,*
*А мы ей дали восемь.*

*Он дал ей пять, она нам – три,*
*Сложивши аккуратно:*
*Но в результате (посмотри!)*
*Вернулись все обратно.*

*Пред тем, как с нею был удар,*
*Я был напуган снами:*
*Отсюда много ссор и свар*
*Меж ними, ей и нами.*

*А потому и оттого*
*Послушайся совета:*
*Ты никому и ничего*
*Не говори про это!*

— Это самое важное доказательство вины! Самое существенное из всех прочих, — сказал, потирая руки, Король, — а потому присяжные могут теперь…

— Я готова отдать свой наперсток тому, кто объяснит, что значит это стихотворение! — воскликнула Алиса, которая выросла уж настолько, что не побоялась перебить Короля. — В нем нет никакого смысла.

Присяжные сейчас же записали: «Она утверждает, что в нем нет никакого смысла». Но никто из них не вызвался объяснить прочитанные стихи.

— Тем лучше, — сказал Король, — значит, нам и не придется искать какой-нибудь смысл… Хотя, пожалуй, — задумчиво продолжал он, развернув листок на коленях, — некоторый смысл в нем все же можно найти… «Хоть плавать не умею…» Умеете вы плавать, подсудимый?

Валет грустно покачал головой.

— Разве такие, как я, плавают? — вздохнул он. И действительно, разве мог он плавать, ведь, как и все карты, он был из тонкого картона.

— Так, это мы установили, — проговорил Король, просматривая стихотворение дальше. — «Пощады мы не просим…» Интересно, не просим у кого? «Он дал им три, она им — пять» — здесь, разумеется, речь идет о пирожках.

— Но ведь дальше сказано: «Вернулись все обратно!» — возразила с горячностью Алиса.

— Так оно и есть! — с торжеством сказал Король, показывая на пирожки. — Это ясно, как день… «Пред тем, как с нею был удар…» Ведь у тебя, кажется, не было удара, моя дорогая? — спросил он у Королевы.

— Никогда! — гневно воскликнула Королева, запустив чернильницей в присяжных.


NBTORUR
KSOPRRR

Чернильница попала в Билла. Бедный маленький Билл уже давно перестал писать на доске пальцем: он в конце концов сообразил, что на ней не остается никаких следов, но так как в него попали чернила и теперь они стекали с его мордочки, — он, макая в них палец, снова начал писать.

— Значит, слова эти не имеют к тебе никакого отношения. Ну и слава богу! — сказал Король и прибавил чуть ли не в десятый раз за день: — Присяжные! Отправляйтесь совещаться.

— Нет! Нет! — крикнула Королева. — Сначала пусть вынесут приговор, а потом совещаются.

— Разве можно сначала выносить приговор, а потом совещаться? — воскликнула Алиса.

— Молчать! — заорала Королева, побагровев от гнева.

— Ой-ёй-ёй! Я вас нисколечко не боюсь, — сказала Алиса, — и молчать не буду!

— Отрубите ей голову! — закричала Королева в ярости.

Никто не тронулся с места.

— Вам не испугать меня! — воскликнула Алиса, которая к этому времени стала такого роста, какого была всегда. — Ведь вы всего лишь колода карт! Колода карт — ничего больше!

И тут вся колода поднялась в воздух и набросилась на Алису. Она вскрикнула не то от страха, не то от обиды, принялась отбиваться и… проснулась! Голова ее лежала на коленях сестры, а та осторожно смахивала с ее лица сухие листочки, облетевшие с дерева.



— Просыпайся, дорогая! — сказала сестра. —

Как же ты долго спала!

— Ах, какой удивительный сон я видела! — воскликнула Алиса и рассказала сестре про все чудеса, какие привиделись ей во сне.

Когда она закончила, сестра поцеловала ее и сказала:

— Это в самом деле удивительный сон! Ну, а теперь беги скорее пить чай, уже поздно.

* * *

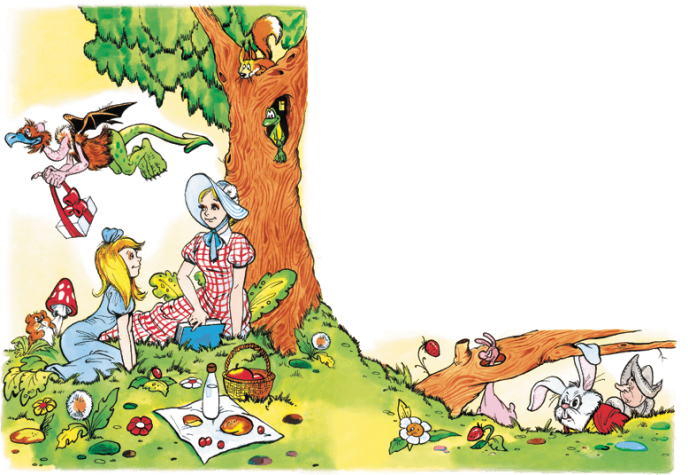
Алиса побежала домой и на бегу думала о том, какой странный сон ей приснился. А сестра ее продолжала сидеть, глядя на заходящее солнце, и думала о необыкновенных приключениях, которые приснились Алисе.

Потом она закрыла глаза и так глубоко задумалась, что ей показалось, как будто и она сама тоже видит сон.

Сначала она думала об Алисе. Она чувствовала ее маленькие ручки у себя на коленях, слышала ее голос, смотрела в ее ясные глаза, видела, как она по своей привычке встряхивает головой, чтобы откинуть волосы со лба. И в то же время ей казалось, что все кругом вдруг ожило. Все, кого видела Алиса во сне, были теперь здесь.

Высокая трава шелестела под лапками спешив-

шего куда-то Белого Кролика; слышался легкий плеск воды — это Мышь, попав в пруд, плыла к берегу; чашки Мартовского Зайца и его приятеля, все продолжавших свое бесконечное чаепитие, громко звенели; раздавался пронзительный голос Королевы, приказывавшей отрубить кому-то голову; ребенок-поросенок чихал, сидя на руках у Герцогини; тарелки и блюда летали и разбивались вдребезги, а издали доносились крик Грифона, скрип грифеля маленького Билла, сдавленные вопли Морской Свинки, которую засовывали в мешок, и отчаянные рыдания несчастной Черепахи.



Сестра Алисы продолжала сидеть с закрытыми глазами, представляя, что это она сама очутилась в волшебной стране, хотя знала, что стоит ей открыть глаза, и все тотчас же исчезнет: трава будет шелестеть только от ветра; плеск воды будет слышен лишь тогда, когда ветви ив, росших на берегу пруда, закачаются и коснутся ее; звон

чашек превратится в звон колокольчиков пасущегося стада, крик Королевы — в покрикивания мальчишки-пастуха, чиханье ребенка, скрип грифеля маленького Билла и все другие звуки — в смешанный неясный гул, доносящийся с фермы, а рыдания печальной Черевродепахи — в далекое мычание коров.

Потом она стала думать о том, как ее маленькая сестренка вырастет и станет взрослой; какое у нее будет доброе и любящее сердце — такое, как и теперь; как она будет собирать около себя детей и, чтобы доставить им удовольствие и заставить блестеть их глазки, станет рассказывать им разные чудесные истории, а может быть, вспомнит и свои приключения в волшебной стране, которые видела во сне, когда сама была ребенком, и как она будет сочувствовать их детским горестям и радоваться их радостям, возвращаясь мыслями в счастливые летние дни своего детства.

